

АНАСТАСИЯ ТАММЕН

ЛЮБОВЬ
и клевер

18+

Анастасия Таммен
Любовь и клевер

«Автор»

2026

Таммен А.

Любовь и клевер / А. Таммен — «Автор», 2026

Ирландский паб "Клевер и шепотка магии" с радостью принимает новых гостей. Среди душевных разговоров, аппетитного запаха пастушьего пирога и овсянки с ложкой виски заживают любые душевные и телесные раны. Когда на пороге паба появляется Оливия, истерзанная болезненными воспоминаниями, местный повар Итан кажется ей высокомерным и самовлюбленным. Она не сразу узнает в нем солиста известной группы "Ocean Blue" и не пытается взять у него автограф, — удивительное событие для Итана, который больше года назад потерял возможность писать музыку. На берегу океана за чашкой горячего шоколада и под завывания северного ветра начинает звучать новая мелодия... Тропы: - от друзей к возлюбленным - он влюбляется первым - ирландский прибрежный городок - парень green flag - любовный треугольник Идеальная история для чтения долгими вечерами. Вторая книга в серии "Уютная романтика". Лучше читать после книги "Любовь и вереск"!

© Таммен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оливия	5
Глава 2. Итан	11
Глава 3. Оливия	14
Глава 4. Итан	16
Глава 5. Оливия	18
Глава 6. Итан	22
Глава 7. Оливия	24
Глава 8. Итан	26
Глава 9. Оливия	28
Глава 10. Итан	32
Глава 11. Оливия	34
Глава 12. Оливия	36
Глава 13. Итан	39
Глава 14. Оливия	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анастасия Таммен

Любовь и клевер

Глава 1. Оливия

Посвящается моим подругам Тане и Насте.

Спасибо, что прошли этот путь вместе с Оливией и Итаном.

— *А что ты собираешься делать?*

— *Быть счастливой там, где поет океан.*

Keane — Somewhere Only We Know

После тридцати часов в пути я наконец-то подъезжала к Лехинчу. От усталости резало глаза, а в желудке словно перекатывались булыжники, но я не собиралась делать паузу. Работа врачом научила меня сутками держаться на ногах. Дневные смены, плавно переходящие в вечерние из-за затянувшихся родов, ночные дежурства и экстренные операции в выходные: все это делало гинекологию непредсказуемой областью медицины. Ты не скажешь женщине во время потуг: «Прости, но мне нужно вздремнуть. Давай-ка продолжим завтра». Ещё в университете я научилась спать стоя с открытыми глазами. Но, если быть честной, по-настоящему я не спала вот уже полгода.

По обе стороны от дороги тянулись низкие ограды из светло-серых валунов. Они поросли мягким мхом. За ними лежали пологие луга сочного зеленого цвета. Тут и там паслись овцы. Они напоминали шарики медицинской ваты на спичечных ножках. После раскаленной Центральноафриканской Республики западное побережье Ирландии ощущалось, как охлаждающий компресс на обожженной коже. Как раз то, что мне было нужно.

Впереди показался зеленый дорожный знак с ирландским и английским вариантом написания города Лехинч. Под ним коричневый знак указывал направление на утесы Мохер. Они находились в пятнадцати минутах езды от городка, где я собиралась исцелить телесные и душевные раны.

Дорога вильнула вправо. Я проехала мимо одноэтажного госпиталя, больше напоминавшего обычный коттедж, и поле для гольфа. Домики с выбеленными стенами и зелеными ставнями выросли из земли, как грибы после дождя.

Я бросила взгляд на приложение навигатора в телефоне: до пункта назначения оставалось пять минут. Мэгги, хозяйка пенсионера, у которой я сняла комнату, заранее прислала мне адрес, когда я делала вынужденную пересадку в Женеве.

Следуя указаниям голоса, доносящегося из динамиков телефона, я притормозила у двухэтажного здания паба на каменной набережной. Над деревянной дверью находилась вывеска «Клевер и щепотка магии». Я выглянула в окно, осматривая главную улицу. Все было украшено бело-зелеными флажками-гирляндами в преддверии Дня святого Патрика. По тротуару под морозящим дождем неспешно шла пожилая пара, всем своим видом излучая спокойствие. Трое мужчин в резиновых сапогах выше колена заносили в ресторан «О’Салливан» ящики с рыбой. Две рыжеволосые девчонки уплетали за обе щеки большие порции ванильного мороженого в вафельных рожках перед кафе с улыбающейся коровой на вывеске.

Я вышла из машины, захватив с собой большой походный рюкзак с провиантом на трое суток и двумя литрами питьевой воды. Вряд ли в ирландском городке с численностью в шесть-

сот человек случится что-то непредсказуемое, но после полугода в стране, где каждый день мог стать последним, я привыкла быть готовой ко всему.

В легкие с первым вдохом проник соленый запах водорослей, опьяняющий своей чистотой. Главной достопримечательностью Лехинча был Атлантический океан. Прямо за набережной начинался белоснежный пляж, на который набегали темно-серые волны с пенными гребнями. Шум прибоя успокаивал лучше колыбельной, а соленые брызги орошали лицо целебной прохладой.

Я подошла к пабу и открыла тяжелую дверь. Меня встретил густой запах Гинесса, жареных ребрышек и тепло — мягкое и неназойливое. Оно не опалило едким жаром, а обняло уютom. Вопреки моим ожиданиям внутри не играла ирландская музыка, хотя в углу рядом с пианино на подставке стояла ещё и гитара. Воздух наполняли жизнерадостные голоса десятка посетителей. Они подстегивали взять пинту пива и углубиться в обсуждение футбола вместе с группой мужчин за массивным столом перед телевизором. Или начать разгадывать кроссворд со старичком за барной стойкой. Или съесть порцию печеного картофеля вместе с двумя хихикающими девушками около окна. Я уже и забыла, как выглядела беззаботная, наполненная сытым счастьем и спокойствием жизнь.

Я села за барную стойку, не снимая рюкзак с плеча, и сложила руки на столешнице. Она была старой, но чистой и сухой. На темном дереве под слоем блестящего лака были выгравированы чьи-то инициалы, сердечки, телефонный номер и фраза: «Сначала позаботься о своем желудке и только потом думай о сердце». Автор этой фразы явно понял смысл жизни. Или познал голод, хуже которого могла быть только удушающая жажда.

Дверь из кухни открылась, и с подносом, полным керамических плошек вышла женщина в зеленом платье в синий горошек. Короткие волосы медового цвета обрамляли лицо, на котором улыбки и время прочертили глубокие морщины. Серые глаза смотрели на окружающих с доброжелательным любопытством. Я узнала в женщине Мэгги. В объявлении о сдаче комнаты была прикреплена её фотография. Признаться, помимо красивых описаний тихого коттеджа в дюнах на берегу Атлантического океана, именно эта фотография заставила меня заплатить за три месяца вперед.

Я дождалась, пока она обслужит футбольных болельщиков и вернется к барной стойке.

— Добрый день. Оливия Маккензи. — Мой голос был хрипловатым, будто я наглotalась песка. — Мы списывались с вами.

— О, ты по поводу комнаты! — с ирландским акцентом воскликнула Мэгги, певуче растягивая слова.

Вместо ответа я коротко кивнула.

Мэгги закинула клетчатое полотенце на плечо, наполнила большой бокал Гиннесом и поставила передо мной.

— Пей. Я сейчас принесу тебе перекусить.

— Это необязательно.

Мне хотелось поскорее оказаться в своей комнате, принять душ и выспаться. Или хотя бы попробовать уснуть. Я очень надеялась на то, что в Лехинч мои воспоминания поблекнут.

— Ты того и гляди свалишься со стула. — Мэгги взмахнула полотенцем, отменяя мои возражения, и скрылась за дверью в кухне.

Милый старичок с кроссвордом поднял на меня взгляд и с лукавой полуулыбкой сказал:

— С Мэгги бесполезно спорить. Скорее солнце взойдет на западе, чем она изменит свое мнение.

— Понятно.

Старичок окинул меня внимательным взглядом.

— Не обижайтесь, моя дорогая, но Мэгги права. Вы выглядите донельзя изможденной. Если вы меня спросите, я бы прописал вам постельный режим и отвар из овса и меда.

Я вопросительно подняла брови.

— Доктор Шеймус О’Доннелл, — старичок протянул мне руку, — врач единственного на всю округу госпиталя.

Значит, мы были коллегами. В прошлом. После всего случившего в Африке я больше не собиралась работать по профессии.

— Оливия Маккензи. Очень приятно.

Дверь из кухни снова распахнулась, и Мэгги поставила передо мной глубокую тарелку с пастушым пирогом. Он божественно пах запеченным картофельным пюре и бараниной. Похоже, его только что достали из духовки. От тарелки поднимался пар.

— Ешь, — приказала Мэгги, вручая мне вилку с ложкой.

Я покорно протянула руку, но заметила, что она дрожит. Свежая рана от пулевого ранения на плече начала зудеть. Она хорошо заживала, и швы уже сняли, но шрам останется со мной навсегда, если я не решу прибегнуть к услугам пластического хирурга.

— Ты сбежала, что ли, откуда? — Мэгги кивнула на мой рюкзак.

— От прошлого, — криво улыбнулась я и, чтобы уклониться от новых вопросов, положила полную ложку в рот.

Господи боже мой, как вкусно! Я зажмурилась от удовольствия. Картофельное пюре растаяло на языке, а мясная начинка с пряными нотками, кусочками морковки и зеленым горошком заставила мой желудок довольно заурчать. Я научилась не придавать значения голоду. Во время затянувшихся операций иногда не удавалось поесть в течение десяти часов. Но этот пирог был потрясающим. Я начала зачерпывать его ложка за ложкой, пока не стала напоминать хомяка, дорвавшегося до стратегических запасов на зиму.

— Эй-эй, не спеши, — сказала Мэгги с беспокойством в голосе. — За тобой же никто не гонится?

Я покачала головой.

— Ты, если что, говори, — добавила Мэгги, переглянувшись с Шеймусом. — Мы за своих горой.

Я прекратила жевать от удивления. Общее время моего пребывания в Лехинче приравнялось к двадцати минутам. В какую из них я успела стать «своей»? Когда пересекла черту города или переступила через порог единственного паба?

Дверь за моей спиной распахнулась.

— Я опоздала всего ни три минуты! — то ли извиняясь, то ли защищаясь, воскликнула девушка с короткими розовыми волосами, уложенными иголками ежика.

На ходу к барной стойке она скинула дутую куртку и размотала длинный разноцветный шарф. Черная водолазка с высоким воротником плотно облегла наметившийся беременный животик. Тридцать четвертая, максимум тридцать пятая неделя, прикинула я. Прекрасное время, когда недомогание первого триместра уже позади, а усталость последних недель еще не наступила.

— Эбигейл, тебе бы дома отдыхать да носочки для ребенка вязать, — пожурил девушку Шеймус.

— Еще чего, — возмутилась Мэгги. — Она сильная и молодая. На ней пахать можно.

— Ты просто не хочешь терять свою лучшую официантку, — сказал доктор.

— Нет, я просто не вижу смысла делать из нее инвалида. Она всего лишь беременна.

Эбигейл закатила глаза, затолкала куда-то под барную стойку свою верхнюю одежду и ушла на кухню.

Пока Мэгги и Шеймус продолжали препираться, я выскребла тарелку до блеска, так и не сняв рюкзака с курткой.

— Вы можете сказать, как мне добраться до коттеджа? — спросила я Мэгги, когда та принялась разливать Гиннес для футбольных болельщиков.

— Коттедж? — Мэгги застыла с бокалом в руке. — Так он еще не готов. Там с отоплением проблемы. И новая кухня пока не установлена. Думаю, где-то в мае ты сможешь туда переехать.

— В мае? — переспросила я, не веря своим ушам. — Как в мае? Вы издеваетесь?! Я же заплатила за три месяца вперед за комнату в коттедже с видом на океан! Аж до начала июня!

Мэгги выглядела поистине сбитой с толку, тогда как я внутренне кипела от негодования. Я переживала не из-за обмана или потерянных денег, а из-за собственной доверчивости и необходимости искать другое жилье. Никогда больше не буду снимать комнату на каком-то сайте, где, по всей видимости, положительные отзывы были сплошь купленными.

Я закрыла лицо ладонью, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Проблема с поиском жилья была в длительном сроке пребывания на одном месте: коттеджей в графстве Кент было пруд пруди, но мне не хотелось переезжать каждые пару недель. На это попросту не было сил. Господи, я бы не отказалась от постельного режима, предписанного сельским доктором. Но вот незадача — прилечь я могла только во взятой напрокат машине.

— Ты разве не читала текст под звездочкой? — спросила Мэгги с изумлением. — В условиях было указано, что первое время, до завершения ремонтных работ в коттедже, ты будешь жить в комнате над пабом. Кстати, оттуда тоже открывается прекрасный вид на океан. И на завтрак ты сможешь просто спускаться по лестнице.

Рана в плече начала зудеть сильнее, должно быть, на нервной почве. Я опустила ладони на барную стойку и посмотрела на Мэгги. Она не пыталась меня обмануть. По крайней мере, не осознанно. Я вытащила телефон и открыла письмо с подтверждением брони. В самом низу одним предложением было подтверждено то, о чем толковала Мэгги: Ближайшее время я могу жить в пабе «Клевер и шепотка магии».

— Надо всегда читать текст мелким шрифтом под звездочкой, — кивнул Шеймус. — Тебя разве родители не учили этому?

— Нет, — отрезала я.

Родители учили меня быть примерной дочерью, чьими наградами, оценками и достижениями они могли похвастаться перед друзьями. И не важно, что при этом думала или чувствовала я. Моя мама была бы только тогда довольна мной, когда распустила бы мои волосы, чтобы скрыть топорщащиеся уши, и нашла мне подходящего жениха. С её точки зрения, им непременно должен был стать шотландский герцог или владелец нефтяных скважин.

— Может быть, мой племянник закончит ремонт коттеджа пораньше, — неуверенно протянула Мэгги и кинула взгляд на дверь в кухню. — В апреле? Оглянуться не успеешь, как он наступит.

Я тяжело вздохнула, ещё раз глянув на телефон. Скоро начнет темнеть. На улице было сыро и холодно. Я держалась на ногах только благодаря силе воли и привычке, выработанной годами. Однако усталость давала о себе знать ознобом и затрудненным дыханием. Вкусный пирог делал меня неповоротливой и тяжелой.

— Так и быть, — буркнула я.

Деваться мне все равно было некуда. Сходу я не найду достойную альтернативу. Сначала отдохну, насколько это возможно, а об остальном подумаю завтра. До работы в Африке по программе «Врачи без границы» я думала, что напоминаю Сьюзен Певенси из «Хроник Нарнии». После — стала ощущать себя как Скарлетт О'Хара на обескровленной земле после завершения гражданской войны.

— Вот и ладненько! — Мэгги шлепнула ладонью по двери в кухню, приоткрывая её, а потом крикнула. — Итан! Поди сюда! — Вернувшись к барной стойке, она добавила: — Мой племянник проводит тебя наверх.

Я вытащила кошелек из кармана куртки, но Мэгги тут же замахала рукой.

— Убери свои деньги.

— Но...

— Завтраки и ужины входят в оплату.

— Но сейчас обед.

— Плавно переходящий в ужин. По тому, какими уставшими глазами ты на меня смотришь, ты проспишь до завтрашнего утра.

Я открыла рот, чтобы снова возразить, но Шеймус покачал головой. Спорить с Мэгги было бесполезно.

Дверь из кухни открылась, и оттуда вышел высокий мужчина в синей футболке и джинсах. Вьющиеся каштановые волосы были собраны в небрежный пучок. Пара выгоревших на солнце прядей выбилась и спадала на лоб. На прямом носу и щеках рассыпались веснушки. Темная борода покрывала острые скулы и подбородок. В каждом ухе было по несколько сережек, а на шее висело три золотых кулона на цепочках разной длины. Подвернутые края футболки подчеркивали крепкие руки, исчерченные татуировками: кельтские символы, черные линии, кости грудной клетки с крыльями и хвостом скорпиона, всех сразу не пересчитать. Он выглядел, как рок-звезда: небрежно, чертовски сексуально и нарочито привлекательно со всеми его кольцами и браслетами.

— Мальчик мой, Итан, — ласково сказала Мэгги, — отведи нашу гостью наверх.

«Мальчик», которому было явно больше двадцати пяти лет, окинул меня насмешливым взглядом, хмыкнул и кивнул в сторону двери, ведущей к туалетам и, вероятно, к лестнице на второй этаж.

— Где твои вещи? — спросил он, не удостоив меня даже коротким приветствием.

Его голос был глубоким, обволакивающим и с легкой хрипотцой. Таким голосом поют рок-баллады об утерянной любви и разбитом сердце, медленно перебирая струны гитары.

— Все свое я ношу с собой.

— Ну, конечно. — Уголок его губ саркастично изогнулся. Итан смотрел так, будто мог видеть меня насквозь. Надменность, да и только. — Сняла комнату на три месяца и приехала с одним рюкзаком?

Он толкнул передо мной дверь, пропуская вперед, и указал на прятавшуюся в конце прохода лестницу. Я стала подниматься первой, но колени дрожали от усталости, а рюкзак тянул назад и вниз. Я сделала паузу, чтобы перевести дыхание, вцепившись в перила. Ступни ощущались, как два чугунных утюга. Вдруг вес на моем плече исчез. Я обернулась и увидела, как Итан поднял рюкзак за ручку.

— Ты там кирпичи носишь? — удивился он.

— А еще чемоданчик первой помощи и провиант. Никогда не знаешь, что случится в следующую секунду.

— Ну раз так.

Итан потянул за рюкзак, чтобы снять с моего плеча, но я схватилась за лямки и продолжила целеустремленно подниматься.

— Тебе не обязательно торчать здесь три месяца, — сказал он за моей спиной с усталостью в голосе.

— Я и не собираюсь. Мэгги сказала, что в апреле-мае я смогу переехать в коттедж.

— Это пустая трата времени.

Итан открыл третью справа дверь и пропустил меня внутрь комнаты. Она была очень светлой благодаря двум окнам, выходящим на океан. Под скошенным потолком стояла массивная двуспальная кровать на резных столбиках. Стены в нижней половине облицованы деревянными реечками, а сверху обклеены бежевыми обоями в зеленый цветочек.

Я подошла к окну и открыла его, чтобы впустить в спальню холодный соленый воздух.

— Если хочешь, я верну деньги за аренду и дам автограф, — продолжил Итан. — Ты можешь возвращаться домой. Только скажи, где мне расписаться? На футболке? Или на груди?

Я посмотрела на него через плечо и поразились, с каким нетерпеливым видом он разглядывал меня, будто был уверен, что я только и жду его заманчивого предложения. Что за самолюбленный придурок? И на кой черт мне его автограф?

— Потрать эти деньги на ремонт коттеджа.

Итан шумно выдохнул, будто разговаривал с тупицей, не способной сложить два и два.

— Слушай, я не буду спать с тобой. Даже если ты будешь умолять.

— Да за кого ты себя принимаешь? — Я резко повернулась и вытаращилась на недоумка.

— А ну, вон из моей комнаты!

Он покрутил сережку в мочке уха, но с места не сдвинулся. На внутренней стороне предплечья я заметила ещё одну татуировку: лицо мужчины, правая половина которого была словно смазана.

— Я не...

— Я сказала, выйди вон, — процедила я.

Итан нахмурился, но наконец покинул комнату и закрыл за собой дверь. Как только звук его шагов затих, я обессилено опустилась на подоконник. Мои силы окончательно иссякли, и один метр до кровати показался мне длиннее пути Святого Иакова.

Глава 2. Итан

Bruce Springsteen — Blood Brothers

У подножья лестницы я поднял голову и посмотрел в темный коридор второго этажа. Эта девушка была чертовски странным экземпляром. Она заплатила за три месяца вперед, но вылизала тарелку так, будто это её последняя трапеза перед казнью. И в рюкзаке она прятала что-то вроде дикого кабана. Удивительно, что ее колени не подогнулись под его тяжестью.

Телефон в заднем кармане джинсов заиграл мелодию «Blood Brothers». На экране отразилось имя Лоуренса. От затылка вниз до пяток пробежал острый холод — смесь страха, вины, тоски. Сделав глубокий вдох, я приложил телефон к уху.

— Итан! — радостно воскликнул Лоуренс на другом конце земли.

На заднем фоне смолкла акустическая гитара с характерными помехами дешевой студийной записи. Друг наверняка слушал демоальбом очередного счастливого, которому повезло добраться до одного из самых влиятельных музыкальных продюсеров. Одно слово Лоуренса Бейна могло поставить точку в карьере или открыть путь на мировую сцену.

— Черт, я так рад, что ты ответил! — продолжил Лоуренс.

Я не видел его лица, но слышал улыбку в его голосе, и от этого чувство вины лишь усилилось. Друг прикрывал мне спину, чтобы я мог прийти в себя после смерти Криса, но уже многократно намекал, что вместо траура мне нужно написать новый альбом и отправиться в обещанное мировое турне.

— Ты же знаешь, что между нами разница в восемь часов. Чаще всего я не отвечаю, потому что сплю.

Это было только отчасти правдой. Мой телефон никогда не стоял на беззвучном режиме, и я просыпался от мелодии «кровных братьев», но в итоге предпочитал не брать трубку. У меня не было ответа на единственный вопрос: «Когда ты вернешься к работе?», а терпение Лоуренса не было ангельским. Черт побери, да этот человек жил по принципу «Все должно быть сделано идеально и лучше ещё вчера». Тот факт, что он дал мне отсрочку длиной в год, говорил только о крепкости нашей дружбы.

— Да-да, — недовольно отозвался Лоуренс. — Тебе нужно было остаться в Лос-Анджелесе или хотя бы на западном побережье, а не сбежать в деревню к тетке.

— Лори... — начал было я, но он перебил меня.

— Я нашел нового барабанщика! Это нечто, клянусь. Потрясное чувство ритма. От его соло у меня мурашки по коже.

Мне стало горячо и холодно одновременно.

— Итан, мне не хотелось поднимать эту тему, — сказал Лоуренс, быстро растеряв свой энтузиазм, — но нам пора поговорить о том, кто займет место Криса в группе.

Конечно, он был прав. При условии, что у группы «Ocean Blue» было будущее. Мне было одинаково страшно снова начать писать музыку и навсегда похоронить свою единственную мечту рядом с другом детства. Я потерял ребра под сердцем, где была вытатуирована барабанная установка.

— Слушай, я понимаю, что ты переживаешь сложные времена, — вздохнул Лоуренс, — но надо двигаться дальше. Я жду тебя. Твои поклонники ждут тебя. Не забывай и о прессе — ещё полгода, и ты окончательно пропадешь с их радаров. Ты знаешь, что я за тебя горой, но даже у моих возможностей есть предел.

Он прибеднялся и пытался манипулировать мной, но делал это из добрых побуждений, ведь знал, что я жил музыкой. Пока в один момент меня не оглушила абсолютная тишина.

— Лори, если ты захочешь, любой уличный музыкант проснется завтра популярнее Эда Ширана, даже если сегодня его единственные слушатели — это голуби и соседский дворник.

Лоуренс самодовольно хмыкнул, но, к сожалению, снова вернулся к теме разговора.

— Я пришлю тебе запись. Послушай её. Хорошо?

— Ладно.

— Молодец.

Я хотел закончить разговор и сделал шаг обратно в сторону паба, откуда доносились приглушенные голоса, когда Лоуренс добавил:

— Мы с Алексом Уорхоллом начали работать над рекламной кампанией твоего возвращения.

— С Алексом Уорхоллом? — глупо переспросил я.

— Арт-директором агентства талантов «П. Дж. Моррисон и коллеги». Итан, ну, вспомни, я же рассказывал тебе про него?..

Он сделал паузу, чтобы я смог вставить что-то вроде: «А, ну да, тот самый Алекс», но я продолжал молчать. Всеми организационными вопросами занимался Лоуренс. У нас было очень успешное разделение обязанностей. В мои обязанности входило: писать музыку, петь на сцене, радовать публику и зарабатывать миллионы. В его — все остальное.

— В общем, мы с Алексом думаем над слоганом: «Вторая волна «Ocean Blue» или...

Я не дал ему договорить и крикнул в сторону, не закрывая динамик ладонью:

— Уже иду! — а потом уже тише добавил: — Извини, Мэгги зовет меня. Ей срочно нужна моя помощь.

— Но...

— Я перезвоню, обещаю.

Лоуренс волновался, но у меня в голове не было ни строчки, ни одного аккорда. Кто знает, может быть, оно и к лучшему? Если я больше не смогу писать музыку, то и вопрос, правильно ли возвращаться на сцену, если на ней не будет Криса, отпадет сам собой. Я останусь в Лехинче и проживу ту жизнь, которая была мне изначально предопределена, если бы в четвертом классе Крис не сказал: «А давай создадим собственную группу»?

Я убрал телефон и прошел мимо всех посетителей на кухню, где Мэгги разминала отварной картофель в пюре. Я забрал у нее толкушку. Из меня мог бы получиться хороший повар. И тогда больше не нужно будет думать об изнуряющих турне, ожиданиях фанатов, дедлайнах Лоуренса и сумасшедших поклонниках.

— Что ты знаешь про Оливию?

— Она тебя отшила, да? — Мэгги ухмыльнулась. — Ты решил, что она очередная девица, которая примчалась сюда, чтобы залезть тебе в штаны?

Кровь бросилась мне в лицо. Мэгги потрепала меня по покрасневшей щеке, будто мне все еще лет десять, а я впервые спросил её совета про понравившуюся одноклассницу.

— Она здесь только ради себя.

— Откуда ты знаешь? Она что-то рассказала?

— Мальчик мой, я держу этот паб больше сорока лет. Стояла за стойкой ещё тогда, когда он был единственным местом во всей округе, где можно было выговориться. И поверь, я разбираюсь в людях лучше любого психотерапевта. — Мэгги забрала у меня миску с картофельным пюре и деловито разложила его по четырём тарелкам. — Последнее, о чём думает Оливия, — это твоё существование.

Многие, кто знал меня как фронтмена «Ocean Blue», решили бы, что такие слова ударят по самолюбию. Но всё оказалось наоборот. Осознание того, что за стенкой моей спальни теперь

живёт не восторженная фанатка, а девушка, для которой мир достаточно велик и сложен, чтобы не крутиться вокруг меня, принесло редкое чувство свободы.

Глава 3. Оливия

Birdy — People Help the People

Два месяца назад

В палатке пахло йодом, кукурузной кашей и сардинами из последней гуманитарной поставки. Рядом с койкой, на которой спал мальчик с перебинтованной головой, шептала молитву его мать. В это время Нейтан, медицинский координатор нашей бригады, филигранными стежками зашивал глубокую рану на его ноге.

Завади тихо стонала, пока я проводила осмотр. Схватки продолжались больше десяти часов без видимых изменений. Если в ближайшее время не случится чудо, придется делать кесарево сечение, что в условиях полевого госпиталя было само по себе не самой блестящей затеей.

Я наклонилась к Завади и промокнула полотенцем капельки пота со лба.

— Представь себе, что каждая схватка — это подарок.

— Что? — охрипшим голосом спросила она.

Большие карие глаза смотрели на меня с недоумением.

— Как бы странно это ни звучало, но боль — это хороший сигнал. Не борись против нее.

Постарайся расслабиться как раз в тот момент, когда больше всего хочется сжаться.

— Давай поговорим об этом еще раз тогда, когда рожать ребенка будешь ты, — проворчала Завади сквозь стиснутые зубы.

Я усмехнулась, поднесла глиняную кружку к потрескавшимся губам Завади и приподняла её голову, помогая сделать глоток воды.

За улыбкой я скрывала, как сильно волновалась за шестнадцатилетнюю девчонку. Она не заслужила ничего из того, что происходило в её жизни. И тот факт, что впереди маячила экстренная операция, которую она могла не пережить, не улучшало ситуацию.

— Как ты смотришь на то, чтобы немного прогуляться? — спросила я. — Сила притяжения и движение могут стать хорошими помощниками.

— Может лучше шампанского? — ответила Завади вопросом на вопрос. — Один из ваших врачей сказал, что женщины в Европе пьют его, чтобы облегчить роды.

«А ещё они находятся в больницах со стерильными операционными со всем необходимым оборудованием», — мысленно добавила я, просовывая руку под её плечи, чтобы помочь подняться с койки.

Ночную тишину пререзал испуганный собачий вой, за которым послышались глухие хлопки, похожие на петарды, но слишком ритмичные. Слишком механические. Одна из собак за периметром лагеря заскулила и резко замолкла.

— Потушите свет! — раздался непоколебимый голос Нейтан. — Быстро!

Прежде чем подняться, он сделал последний стежок. Его рука при этом даже не дрогнула. Мать спящего мальчика схватила его и бросилась к выходу.

— Оставайтесь внутри! — потребовал Нейтан. — Всем лечь на землю и не двигаться.

Палатка погрузилась во тьму. Воздух наполнился страхом. Оглушающая тишина давила на барабанные перепонки.

Снаружи раздался незнакомый мужской голос, отдававший приказы на французском языке. Надин, молодая медсестра, присоединившаяся к нам месяц назад, выронила металлический поддон с инструментами и зажала рот ладонями, чтобы заглушить испуганный возглас.

— Тс-с-с, — прошептала я. — Пожалуйста. Тише...
Завади резко выгнулась у меня в руках и закричала от очередной схватки.

Глава 4. Итан

Chance Pena — I Won't Give Up

Я водил силиконовой кисточкой по свиным ребрышкам, равномерно распределяя глазурь из меда, домашнего барбекю-соуса и яблочного уксуса. После часа мариновки в Гиннесе, чтобы размягчить мясо, и пяти часов в смокере оставался последний штрих — создание сладкой блестящей корочки в духовке.

В самом начале, вернувшись из Лос-Анджелеса в Лехинч, я готовил по рецепту, найденному в Интернете: полтора часа, готовые соусы, ничего лишнего. Через месяц-другой мне стало тесно. Освоив базовые ноты и аккорды, захотелось экспериментировать. Я заменил светлое пиво густым Гиннесом, придумал собственный барбекю-соус на основе рецепта Гордона Рамзи, а готовка превратилась в семичасовой медитативный ритуал.

Мэгги фыркала, когда я сутками пропадал на кухне, но всегда с любопытством пробовала новые блюда и радовалась тому, что доходы паба увеличились за счет посетителей, которые пришли пропустить не только стаканчик, но и плотно поужинать. Мэгги не испытывала нужды в деньгах — я в любой момент мог дать ей столько, сколько потребуется, — но ей нравилось в конце дня открывать со звоном кассу и пересчитывать хрустящие купюры. Независимость для нее была вкуснее любых ребрышек.

Я поднял глаза к окну, расположенному над металлической раковиной, пока щеткой и мылом соскребал с рук липкий слой глазури. Мокрый ветер хлестал по стеклу. На улице уже давно стемнело, только желтый свет фонаря очерчивал немногочисленные машины на парковке. Лехинч в начале марта казался вымершим городком, но пройдет две недели, и на День святого Патрика улицы заполнят туристы, желающие распробовать дух Ирландии и найти счастливый трилистник.

Темный силуэт, пересекавший парковку от паба к набережной, так бы и остался незамеченным, если бы не рюкзак размером с шотландского пони за спиной. Куда это Оливия собралась?

Черноту кругов под её глазами и впалые щеки я заметил сразу, но действительно осознал только после разговора с Мэгги. Оливия была измождена и нуждалась в отдыхе. Может, музыка в пабе играла слишком громко и мешала ей заснуть? Или после моих странных заявлений она решила съехать? Но куда? И в такой поздний час?

Я вытер руки, схватил куртку с вешалки и вышел в промозглый вечер через черный вход, собираясь извиниться и уговорить её остаться. Если она не представляла угрозы моему добровольному отшельничеству, то и съезжать ей не имело смысла. Со следующим порывом ветра мое лицо покрыли морские брызги, а уши заложило от протяжного свиста.

Оливия уже шла по набережной к каменной лестнице, ведущей на пляж. Она, что, хотела утопиться? Другой причины для её поведения я придумать не мог. В такую погоду следовало сидеть в пабе и согреться горячей едой и напитками, но никак не гулять по пляжу.

Я держался на расстоянии двадцати-тридцати шагов, чтобы не спугнуть её, но в случае чего прийти на помощь. В школе я получил золотую медаль по плаванию. Помимо всего прочего тогда проверяли умение транспортировать пострадавшего на дистанцию в пятьдесят метров. Когда ты растешь в прибрежном городке, навык по спасению утопающих — один из базовых наряду с рыбалкой и плаваньем.

Мои ботинки увязали во влажном песке, и идти стало сложнее. Вероятно, то же самое почувствовала и Оливия. Она замедлила шаг, скинула рюкзак на землю и медленно осела на него. Я остановился, внимательно наблюдая за ней. Что-то в ее позе заставило меня сохранить дистанцию. Будто мое приближение могло нарушить её хрупкий покой.

Через час я развернулся и пошел обратно в паб. Оливия не собиралась сводить счеты с жизнью или сбегать. Ей просто нужно время. Для чего? Понятия не имею, но сама эта потребность была такой явственной, такой понятной, как урчание желудка от голода.

В теплой кухне я вытер полотенцем влажное лицо и проверил свиные ребрышки. Золотомедовая корочка подрумянилась. Оторвав вилкой кусочек мяса, попробовал его на вкус. Идеально.

Мэгги просунула голову в приоткрытую дверь на кухню.

— А вот ты где! Все готово? Шеймус и Саймон сейчас съедят меня.

Я разделил ребрышки на две части и передал Мэгги тарелки вместе со свежим салатом под горчично-йогуртовым соусом.

Она с наслаждением втянула носом запах.

— Пахнет обалденно. Жареные полуфабрикаты даже рядом не валялись. Хорошо, что ты вернулся, даже если это временно.

— Может, и не временно, — бросил я в пустоту, когда дверь за Мэгги снова закрылась.

Я подошел к окну в надежде увидеть, как Оливия возвращается в паб, вытащил телефон из заднего кармана, открыл чат с Лоуренсом и включил присланную парой часов ранее демо-запись. Легкое эхо маленькой студии или даже гаража наполнило кухню. Послышались шорохи и прерывистый вдох. Сквозь треск неожиданно пробился яростный ритм с акцентом на басбочке. Барабанщик был новичком, может быть, совсем юным парнем, который горел изнутри желанием, чтобы его услышали. Так честно, так беззащитно он играл, словно кричал через барабанную дробь: «Я тут! Взгляните на меня!»

Он напомнил мне Крису.

Этот новый парень мог бы занять место барабанщика в группе. Вероятно, часть фанатов даже не заметила бы перемен. Эта мысль причинила боль. Мне не хотелось, чтобы Криси забывали.

Темный силуэт Оливии проскользнул по парковке обратно к пабу. Я выдохнул с облегчением. Нам всем нужно время. Время, чтобы распасться на осколки, а затем снова собираться, когда для этого появятся силы и водостойкий клей в виде нужных людей.

Глубоко за полночь я закрыл опустевший паб и поднялся на второй этаж. Проходя мимо комнаты, в которой разместились Оливия, я услышал, как она чихает и кашляет.

Глава 5. Оливия

Kingfishr — Killeagh

Нос чесался и тек, как открытый кран. Если бы за невезение вручали медали, то у меня была бы целая коллекция золотых. Помимо всего прочего я заболела в первый день в Ирландии. Защитные силы моего организма кончились. Иссякли. Высохли. Испарились где-то между Центральноафриканской Республикой и берегом океана.

В горле запершило. Я накрылась одеялом и закашляла в подушку, чтобы ненароком не разбудить Мэгги или Итана — придурка с самомнением размером с утёсы Мохер.

Тихий стук в дверь я проигнорировала. Пабу «Клевер и шепотка магии» было как минимум сто лет. Либо под дверью скреблась мышь, либо — призрак уснувшего вечным сном за пинтой Гиннеса посетителя. Я крепче зажмурилась: ни то, ни другое видеть не хотелось.

— Оливия? — раздался шепот из-за двери.

Я высунула голову из-под одеяла. Мне показалось или ирландские мыши умеют говорить?

— Я принес горячее молоко.

Приятный тембр голоса отозвался теплом в груди. Даже если Итан мне совершенно не нравился, голос у него был волшебный. Ему стоило попробовать себя в роли актёра дубляжа.

— Я сплю.

— Охотно верю.

Прошло не менее минуты, а удаляющихся шагов я так и не услышала. Высморкавшись и добавив еще один платок к уже существующей египетской пирамиде на прикроватном столике, я включила лампу и поползла до двери.

Итан стоял на пороге с подносом в руках, на котором была кружка с дымящимся молоком, коричневая баночка и три упаковки бумажных платков. Похоже, мои попытки тихо чихать и кашлять в подушку оказались такими же успешными, как и план выспаться.

Но с чего это Итан вдруг решил проявить заботу? Я пристально оглядела его с ног до головы. Он все ещё выглядел, как парень, чьи фотографии могли бы мелькать в аккаунтах модных блогеров и лайфстайл-коучей: на груди две цепочки с подвеской в форме гитары и браслетами из деревянных шариков.

— Если ты думаешь, что ради кружки молока я все-таки начну умолять тебя переспать со мной, то ты глубоко ошибаешься.

Горло снова засадило, оповещая о приближающемся приступе кашля. Мне нужно было выставить Итана за дверь и вернуться в постель.

— Подозреваю, что всего молока Ирландии будет недостаточно, даже если наши коровы очень постараются.

— Тогда чего ты хочешь? — гнусава, спросила я. — Хвалебный отзыв на «Booking»?

— Мэгги было бы приятно. Этот паб — её душа и сердце.

Черт. Ради Итана я бы не стала писать даже плохой отзыв, но Мэгги понравилась мне с первого взгляда.

Я закусила губу, глянув на горячее молоко. Сквозь заложенный нос до меня пробился запах меда. Мама никогда не ухаживала за мной, когда я болела. Обычно это делал старший брат Джейми или наши няни.

— Ладно. Давай сюда твою взятку.

Итан улыбнулся, протянув поднос, который я приняла куда быстрее, чем мне следовало. Внимание привлекла коричневая баночка. Это оказалась мазь от кашля с эвкалиптовым маслом.

— «Для детей от шести месяцев до двух лет», — прочитала я текст на этикетке, а потом подняла недоверчивый взгляд на Итана.

— У меня очень чувствительная кожа. От мази для взрослых сразу высыпает крапивница.

— Сказал человек с десятком татуировок.

— Когда ты успела их все пересчитать?

Я закатила глаза.

— Спокойной ночи, Итан.

— Добрых снов, Оливия, — улыбнулся он, закрывая за собой дверь.

В десять утра я оказалась единственным посетителем паба.

— Я очень надеюсь, что ты заболела, — сказала вместо приветствия Мэгги, подняв на меня взгляд поверх очков-половинок.

Она стояла за барной стойкой и записывала что-то в блокнотик на пружинках, каким обычно пользуются официанты.

Я села на барный стул напротив нее.

— Почему? — прогнусавила я.

Нос заложило. И на том спасибо. Кстати, я не раз слышала от своих пациентов, что стоило начаться отпуску, как они мигом заболели. Будто организм говорил: «Господи, ну наконец-то я могу заявить о своих потребностях, и меня услышат, а не попытаются заткнуть аспирином с кофе!»

— Если твой красный нос говорит о том, что ты проплакала всю ночь, то я буду вынуждена попросить Итана поквитаться с твоим обидчиком.

— Ему придется вызвать на дуэль холодный северный ветер.

— Хм, может, Итан и не победит, но согреть тебя сможет.

Надеюсь, она имела в виду крышу над головой, горячее молоко и мазь от кашля, а не что-то другое. Я не собиралась заводить роман — любой продолжительности, — с самовлюбленным соседом в городке, численность которого вдвое меньше, чем количество пациентов и врачей в больнице Эдинбурга, где я работала до участия в программе «Врачи без границ». И если там любая сплетня распространялась, как огонь по сухой листве, то в Лехинче это, наверное, напоминало пожар, в который из канистры льют бензин.

Резкий порыв ветра ударил в окна. Деревянные ставки закрипели под его напором. Я непроизвольно вздрогнула и обернулась. Снаружи, к моему изумлению, пошел снег.

Мэгги хмыкнула.

— Добро пожаловать в Ирландию, где март чувствует себя декабром. — Она оторвала испещренный мелким почерком листок и спрятала блокнот в широкий кожаный пояс с множеством карманов. — Я сейчас принесу завтрак.

Пока она пропадала на кухне, я разблокировала телефон и открыла чат с братом, который на протяжении последних двух дней отправлял мне сообщения примерно раз в час.

ДЖЕЙМИ: Привет. Ты добралась?

ДЖЕЙМИ: Как тебе Лехинч?

ДЖЕЙМИ: Я поискал фотографии в Интернете и показал Мелани. Она хочет провести там лето.

ДЖЕЙМИ: Коттедж миленький?

ДЖЕЙМИ: Среднестатистический обыватель проводит за смартфоном три часа сорок три минуты в день. Этого времени достаточно, чтобы написать хотя бы одно сообщение.

ДЖЕЙМИ: Мы можем созвониться? Мы с Мелани собираемся на свадьбу к нашим друзьям на Олдерни. Я буду недоступен большую часть дня.

ДЖЕЙМИ: Может, у меня шизофрения? И младшую сестру я только придумал? Я переписываюсь с собой? Может, мне следует проконсультироваться с психологом?

Я улыбалась, читая его сообщения. Джейми был моей опорой, доверенным лицом, лучшим другом и любимым братом. Мне следовало рассказать ему обо всем, что случилось в Африке, но сейчас это не казалось правильным. Стоит намекнуть, в какую развалину я превратилась, как он примчится в Лехинч, пропустив свадьбу друзей, и захочет знать детали, которые я пока не в состоянии ему дать. Это одна из причин, почему я выбрала не родную Шотландию, а Ирландию: она выглядела, как дом, но находилась через пролив от Джейми.

ОЛИВИЯ: Окажись ты с такими симптомами в «скорой помощи», я бы предложила: проконсультироваться с терапевтом, получить заключение психиатра, следом обратиться к неврологу и офтальмологу. Ну и было бы неплохо уточнить, нет ли у тебя интоксикации. Честно говоря, с нее бы я и начала. Помню, как ты впервые наклюкался во время Игр горцев и считал себя бессмертным Дунканом Маклаудом из сериала «Горец».

ДЖЕЙМИ: Аллилуйя, она жива!

В следующую секунду телефон заиграл любимой мелодией «Chasing Cars», а на экране появилась фотография самого рыжего и самого бесстыжего — до появления Мелани в его жизни — брата на свете.

— В свою защиту скажу: в тот день я впервые надел килт без нижнего белья, как того требует традиция, и чуть не отморозил себе сама знаешь что.

— Привет, — улыбнулась я.

— Господи, я на самом деле слышу твой голос! — сказал Джейми в трубку, а потом крикнул куда-то в сторону: — Мели, блудная сестра вернулась!

На заднем фоне послышалось «Ура!», а потом металлический вжи-и-их и «Чемодан собран!».

— Вы выдвигаетесь в аэропорт?

— Такси уже ждет внизу. Мы с Мелани немного отвлеклись, кхм, в процессе сборов... — Он сделал многозначительную паузу, и я с облегчением подумала о том, что отношения не изменили его полностью. Он все ещё обожал секс. — Кстати, что у тебя с голосом?

— Ничего серьезного, немного простыла.

Джейми на другом конце провода резко втянул воздух через нос, будто диктор на «Би-би-си» прервал футбольный матч со словами: «Экстренное включение! Нам только что стало доподлинно известно, что Оливия Маккензи хлюпает носом! Никому не двигаться и не дышать!»

Если Джейми так реагирует на обычное недомогание, то как я могу рассказать ему все остальное?

Дверь из кухни открылась, и с большим подносом оттуда вышел Итан. Странно, но сегодня он показался мне ещё более привлекательным. Или это игра света? Его каштановые волосы, собранные в пучок, отливали золотом. Глаза имели насыщенный шоколадный оттенок. Поверх белой футболки он накинул джинсовую рубашку и закатал её рукава, подчеркнув крепкие руки.

Итан поставил передо мной чашку с черным кофе, молочник, сахарницу, тарелку с яичницей, жареными колбасками и плошку с овсяной кашей, приправленную миндальными орехами, изюмом, медом и... Я втянула носом воздух и почувствовала запах...

— Виски? — поразила я, подняв взгляд на Итана.

— Где? — заинтересовался Джейми.

— В моей овсянке.

— Это ирландский рецепт для укрепления здоровья, — улыбнулся Итан.

— Ты завтракаешь в пабе? — в недоумении спросил Джейми.

— Я тут живу.

— Там есть свободная двухместная комната? — уточнил Джейми.

Мелани забрала у него телефон.

— Оли, не слушай его. Я бесконечно рада, что ты вернулась, но боюсь, что у Макферсона лопнет терпение, а ехать с чемоданом на мотоцикле — это последнее, о чем я сейчас мечтаю. Мы перезвоним тебе, как доберемся до Олдерни, ладно?

За рассудительность в их паре с самого начала отвечала Мелани. На мой предвзятый взгляд, она была настоящим подарком небес для моего беспутного брата.

— Конечно, не волнуйся! — выпалила я и уже хотела закончить разговор, но Мелани вдруг спросила:

— У тебя правда все хорошо?

— Абсолютно! — как можно радостнее воскликнула я. — Все замечательно, если не считать насморка!

Когда она повесила трубку, я сгорбилась и опустила лоб на барную стойку. Свежий шрам начал чесаться. Потерев его, я пообещала себе, что расскажу Джейми и Мелани все, как только воспоминания станут поблекшими кошмарами, а не призраками, повсюду сопровождающими меня.

— Все замечательно? — переспросил Итан, оперевшись на барную стойку. — Это самое жалкое «замечательно», которое я слышал за всю жизнь.

Глава 6. Итан

Imagine Dragons — I Bet My Life

Сингл «Навсегда твой», написанный буквально на коленке, сразу после релиза занял первое место в американском чарте и продержался там восемь недель. Наш с Крисом второй студийный альбом «Ты — мой мир» стал платиновым в Америке и Великобритании. Дело было не только в музыке, совмещавшей классический поп и ирландские мотивы, которым мы всегда оставались верны, даже когда Лоуренс просил сократить лирическую часть скрипки или банджо, но и в текстах. По крайней мере, так писали компетентные критики в музыкальных журналах о наших песнях, используя высокопарные термины типа «эмоционального катарсиса» и «трансцендентной гармонии».

Честно говоря, в большинстве случаев мне приходилось искать их определение, потому что мы с Крисом просто хотели писать музыку: о первой влюбленности, о страхе завалить экзамены, о разбитом сердце, о необходимости взрослеть, о потере любви. Мы не заморачивались об «архаичном колорите» и прочей белиберде. И, кто знает, может быть, именно поэтому стали так популярны у самых разных людей: от школьниц двенадцати лет до угрюмых таксистов на закате жизни.

— Жалкое? — переспросила Оливия, уставившись на меня. — Я правильно понимаю, что помимо чувствительной кожи и нежелания заниматься со мной сексом, ты считаешь себя в праве оценивать мое «замечательно»?

По всей видимости, вместе с другом я похоронил свое чувство такта и талант подбирать правильные слова. Мне нужно взять парочку уроков у Мэгги, как правильно общаться с посетителями. Я уже представил, что она дает мне подзатыльник за все, что я успел наговорить Оливии.

— Это будет неплохо звучать в отзыве, ты не находишь? — попытался пошутить я. — Паб с лучшим обслуживанием в Ирландии: непреднамеренные оскорбления, непрошенная помощь и первоклассная овсянка.

Я провел рукой по воздуху, будто там могла бы находиться воображаемая вывеска, и подвинул плочку к Оливии. После некоторого колебания она взяла ложку, но к еде не прикоснулась.

— Кстати, о помощи: как мне найти аптеку?

— По воскресеньям обычная аптека закрыта. В экстренном случае ты можешь обратиться к доктору Шеймусу О’Доннеллу. Он живет в белом доме с синей дверью при въезде в Лехинч.

— Я думала, это госпиталь.

— Так и есть, — улыбнулся я.

— У него сегодня дежурство?

— Понятия не имею.

Оливия нахмурилась.

— Но к нему можно прийти в любой момент?

— Да, его двери всегда открыты, но половину пациентов он принимает здесь.

Оливия оглянулась по сторонам.

— В пабе?

— Сытный ужин и разговор по душам лечат лучше аспирина. Или, как говорит Мэгги, на полный желудок все проблемы кажутся меньше.

В этом я был с ней полностью солидарен. Я и сам вернулся сюда именно по этой причине. Мне не нужны были высококвалифицированные психотерапевты, которых ко мне подсылал Лоуренс, пытаясь помочь поскорее вернуться в строй. Мой взгляд скользнул к пианино, к которому была прислонена блестящая гитара. Мэгги регулярно стирала с нее пыль, но никогда не спрашивала, когда я снова возьму её в руки.

— Кто-то назовет это шарлатанством и нарушением конфиденциальности, — задумчиво заметила Оливия.

— А ты?

Она подняла на меня глаза. Вчера они показались мне серыми, наверное, из-за её усталости. На самом деле они были голубыми: как цвет океана на рассвете, когда солнце только поднимается из-за горизонта, а на светлеющем небе появляются первые розовые облака.

— Я надеюсь, что ирландский паб, музыка и океан и есть самое лучшее лекарство.

Музыка... Она произнесла это без подтекста, не оглядывая меня особенно пристально, ничего не ожидая. Она правда не знала, что я такой. Где она провела последние семь лет?

Оливия доела овсянку и выскребла до блеска ложку, после чего принялась за яичницу. Я вновь задумался об этом удивительном контрасте: она ела, как оголодавший человек, но носила кардиган от Burberry и серьги-гвоздики от Dior.

— Ты принцесса, которую строгий король держал взаперти в высокой башне под охраной огнедышащего дракона?

Оливия застыла с поднесенной к открытому рту вилкой, на которой был нанизан кусочек яичницы. Желтая капля шлепнулась на тарелку.

— Ты ешь овсянку по-ирландски без овсянки?

— Как день встретишь, так его и проведешь, — улыбнулся я. — Но серьезно, как так получилось, что ты не знаешь «Ocean Blue»?

Растерянный взгляд Оливии скользнул по бутылкам за моей спиной.

— Это какой-то коктейль, да? Если честно, для меня любой алкоголь — это в первую очередь средство для дезинфекции ран. — Немного помолчав, она добавила: — Слушай, с тех пор, как я поступила на медицинский в шестнадцать лет, времени тусоваться и ходить по барам у меня не было. Я сидела в своей комнате, зубрила учебники по анатомии или получала первый практический опыт в «скорой помощи». Я могу перечислить на латинском название всех двухсот шести костей в теле человека, и мне не стыдно.

Я мотнул головой, чтобы прийти в себя.

— Ты поступила в университет в шестнадцать лет? — глупо переспросил я.

— Я перепрыгнула через пару классов. — Оливия пожала плечами, будто это было сущим пустяком. — И второй курс в университете.

Она наверняка знала, что означает «трансцендентный» и без помощи словаря.

Я почувствовал себя невероятно тупым. Примитивным. Я был музыкантом, который в числе прочего написал песню с припевом «Когда ты крутишь своей задницей, мое лицо напоминает смайлик с глазами-звездочками». Стыдно признать, но это песня стала самой популярной на нашем втором альбоме. Мы с Крисом написали её на утро после отпадной вечеринки в клубе Дублина.

— Ты настоящий врач?

— Не знаю, как им быть понарошку, но да. Была... я имею в виду... Я хирург-гинеколог.

— Чтоб тебя! — выдохнул я, чувствуя одновременно восхищение и ужас.

Это восклицание почему-то рассмешило Оливию. Или дело было в моем идиотском выражении лица? Уверен, сейчас оно напоминало тот самый смайлик из песни.

Глава 7. Оливия

Michael Marcagi — Scared To Start

Рюкзак буквально кричал: «Возьми меня с собой! Я нужен тебе! Кто знает, что может случиться?»

— Мы с тобой в Ирландии, — ответила я, указывая пальцем на окно с видом на океан. — Тут шанс военного переворота — ноль целых ноль десятых процента.

Да, я на самом деле пыталась убедить свой рюкзак остаться в пабе, чтобы в одиночку прогуляться по городу. И да, у меня было посттравматическое стрессовое расстройство.

«Два литра питьевой воды и аптечка первой помощи всегда должны быть при тебе!» — возразил рюкзак.

Спорить было бесполезно. Мой рюкзак умел настаивать на своем. Оставив внутри только самое необходимое, я закинула его на плечо и поспешно захлопнула за собой дверь, пока не передумала и не сунула обратно запасное белье и упаковку сухарей. Проходя по залу паба мимо пианино, я заметила гитару. Вчера я не слышала здесь живой музыки.

Шотландская музыка с её волынкой и барабанами всегда казалась мне воинственной и гордой, как суровый ландшафт в родном высокогорье. А вот ирландская, со скрипкой и банджо, была задорной и рассказывала про радость в простых вещах. Я непременно начинала при-топывать в такт, если где-то играла «Whiskey in the Jar».

Я подошла к двери, ведущей на кухню, и осторожно приоткрыла её в надежде увидеть Мэгги, а не Итана, который задавал странные вопросы про драконов и синие океаны. Думаю, на этом месте стоит подчеркнуть, что удача давно отвернулась от меня.

Итан стоял лицом ко мне и шинковал морковь идеально ровными кубиками. Он орудовал ножом длиной сантиметров тридцать, как хирург — скальпелем: уверенно и точно. Может, мне стоит взять у него пару мастер-классов? Мне же нужно найти новый смысл жизни. Опыт «резать» у меня был, так почему бы не применить его в другой области.

Итан поднял взгляд и, совершенно не удивившись моему появлению, протянул морковь.

— Будешь?

Я мотнула головой. Завтрак оказался настолько сытным, что я чувствовала себя удавом, проглотившим слона из «Маленького принца». Чтобы переварить все это, мне потребуется не меньше века.

— Я заметила снаружи пианино и гитару. У вас выступают музыканты?

Итан медленно покачал головой.

— Потому что не сезон, да? А вы не собираетесь пригласить кого-то на День святого Патрика? Вы же отмечаете его, да? Я видела зеленые флажки на главной улице. Там все так красиво украшено.

Итан прокрутил нож в руке и, окинув меня необъяснимым взглядом, сказал:

— Мы не планировали.

— Как жаль... — Я разочаровано выпятила нижнюю губу. — Ладно, придется искать другое место. Хорошего дня.

Я отсалютовала Итану двумя пальцами. Он нахмурился. Так и не дождавшись ответа, я развернулась и вышла.

Погода оставляла желать лучшего. Нет, я бы даже сказала, хотелось желать совершенно другую. За три минуты куртка успела промокнуть под косым дождем. Несколько особенно крупных капель с садистскими наклонностями попали мне за воротник и холодом прокатились

между лопаток. Пальцы ног заledenели в кроссовках. Еще через минуту я ощутила, как простуда, немного отступившая, решила вернуться головной болью и звоном в ушах.

Итог двух дней в Ирландии: ни дома в дюнах, ни живой музыки, ни хорошей погоды. Иными словами — полный успех.

Я остановилась напротив двухэтажного здания с доской для серфинга у горчичной двери и вывеской: «Школа серфинга». Вопреки моему убеждению, что в такую холодрыгу на океан можно только смотреть, из окон лился теплый свет, будто приглашая зайти.

В памяти тут же всплыл Нейтан. Мы спали в одной палатке на территории лагеря и после бесконечных смен делились историями о том, что привело нас в программу «Врачи без границ». Кто-то хотел изменить мир, кто-то — придать смысл своей работе, как Ким из Южной Кореи, где на выпускной зажиточные родители дарят детям блефаропластику для создания двойной складки на верхнем веке. А вот Нейтан почти не рассказывал о себе. Самым счастливым временем в его жизни были студенческие годы в Лос-Анджелесе, когда он с другом Алексом рассекал волны на серфе.

— Привет! — раздался жизнерадостный голос за моей спиной.

Я испуганно вздрогнула, вцепившись в ляжки рюкзака, и обернулась к девушке с ярко-розовыми волосами.

— Эбби! — Она протянула руку и так энергично пожала мою, что та едва не хрустнула. — Мы не успели толком познакомиться. Я официантка у Мэгги, а ты у нее живешь. Ха, представляю, как ты рада оказаться у нее под крылышком. Мэгги важнее священника и мэра города вместе взятых. Она моя крестная. И, надеюсь, станет крестной для моего малыша. — Она тараторила так быстро, что я боялась моргнуть и упустить хоть слово. — А ты Оливия, верно? Как тебя называют друзья?

— Эм-м...

Первым порывом было сказать «Оли», но так называл меня только брат. Родные и друзья предпочитали «Оливия», а все остальные — «доктор Маккензи». От последнего будет сложно отвыкнуть.

— Хочешь научиться серфингу? — продолжила Эбби.

— В такую погоду? — Я указала большим пальцем за свое плечо на школу серфинга.

— П-ф-ф! Естественно! Уроки круглый год. Бен замечательный учитель. У него встают на доску даже те, кто спотыкается на ровном месте. Представляешь, однажды к нему попал мальчик с двумя левыми ногами. Нет, это я, конечно, образно. Питер. Или Патрик? Нет, Пол! После летнего лагеря мальчишка летал на волнах, как Серебряный серфер из «Фантастической четверки». Ты любишь вселенную Marvel? Знаю, что должна обожать Мистера Фантастика, но, признаюсь, мне куда больше нравится Человек-факел. А тебе?

Я все равно потеряла нить разговора. Может, Эбби перешла с английского на ирландский гэльский? Нет, быть не может, его я тоже понимала.

— Пойдем, я познакомлю тебя с Беном! Он тебя всему научит.

— Я замерзну, — запротестовала я.

Серфинг не входил в мои планы. Я любила океан, но на безопасном расстоянии. В идеале я представляла себя сидящей в кресле с высокой спинкой, с ногами на пуфике и кружкой горячего какао в руках перед камином рядом с эркером с видом на океан.

— Ах, даже не думай! — отмахнулась Эббигейл. — Для такой погоды есть гидрокостюмы из неопрена толщиной пять миллиметров.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась я.

— Мне некуда деваться. — Она указала на проступающий под курткой округлившийся живот. — Бен отец этого головастика.

Глава 8. Итан

NEEDTOBREATHE — More Time

Я стоял в пустом пабе и смотрел на гитару. Загрубевшие от игры кончики пальцев покалывало от желания прикоснуться к струнам. Я знал, как ощущалась и звучала каждая из них: от глухого баса шестой до яркого звона первой.

Гитара была моим любимым инструментом из-за множества металлических голосов, которыми можно разговаривать с миром поодиночке или сплетая их в многогранный аккорд. Чтобы занять руки, я провел пальцами по волосам, распустил их и снова собрал.

Взять гитаре означало запустить цепную реакцию, как в эффекте домино: толкнешь одну плитку, и тут же посыплются все остальные. Придется покинуть Лехинч, вернуться в Лос-Анджелес, засесть в студии, составить план турне и решить вопрос с новым барабанщиком. Я сжал зубы. Масштаб предстоявших изменений пугал.

Но и остаться здесь, в Лехинче, навсегда отказавшись от музыки? Я закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. В предплечьях жужжала едва сдерживаемая энергия. Пальцы сами приняли форму аккорда А7, с которого я всегда начинал. В легких было достаточно воздуха для первого куплета «Навсегда — твой».

Музыка была не просто частью моей души, она жила в моем теле. Забрать её насовсем означало бы разорвать себя надвое. А я и так уже потерял Криса.

Что же теперь делать?

Дверь распахнулась, и в паб влетела Мэгги. С бордового дождевика потоками стекала вода. Она несколько раз открыла и закрыла зонт, осыпая пол брызгами.

— Святые угодники! — воскликнула она. — Такого мерзкого марта я не припомню. Ливень с градом, б-р-р... Я продрогла до костей. Почему все твердят про глобальное потепление, если нас ждет ледниковый период?

Я изумленно посмотрел в окно. Погрузившись в мысли, я не заметил, как на улице начался настоящий потоп. Стена дождя не позволяла взглянуть дальше, чем на один-два метра. В такую погоду следовало оставаться внутри, но Оливия ушла больше часа назад и все ещё не вернулась. Куртка у нее была теплая, но под таким ливнем не продержится и десяти минут.

— Ты не встречала по пути Оливию? — спросил я.

— Нет... — проворчала Мэгги, снимая дождевик. — А что?

— Она собиралась к Шеймусу, — ответил я.

Я вытащил телефон из кармана джинсов и набрал номер. После пары гудков послышалось:

— Алло?

— Доктор О’Доннелл, вы не видели Оливию?

— Вашу новую постоялицу?

— Да. Она заходила?

— Вчера или сегодня?

— Сегодня. Она ушла к вам час назад.

— И не дошла?

— Это вы мне скажите, — нетерпеливо выдохнул я.

— Похоже, нет. Я тут один, пью чай с малиновым вареньем. Голубчик, а ты знаешь, как хорошо он помогает при простуде? Рекомендую, чтобы как следует пропотеть. Хотя, в молодости мы с Шэннон предпочитали потеть другим путем, хе-хе...

Я с трудом удержался, чтобы не представить голого Шеймуса.

— Это помогает лучше аспирина, — бодро продолжил он.

— Возьму на заметку, доктор О’Доннелл, — заверил я, не решаясь уточнить, что именно лучше: чай или секс.

Шквальный ветер швырнул в окно горсть града. Я зашел на кухню, выглянул в окно, чтобы убедиться, что арендованная Оливией машина все ещё стояла на парковке, и схватил свою куртку и ключи от своей машины.

— Итан? — окликнула Мэгги. — Ты куда?

— За Оливией.

— Ты узнал, где она?

— Нет. В этом и проблема.

— Может, сообщить в береговую охрану?

— Зачем?

— Вдруг её смыло в океан.

Я усмехнулся.

— Сомневаюсь. Я поеду к Шеймусу и загляну по пути во все кафе. А ты, если можешь, позвони Фионе из книжного клуба. Она быстрее любого радио.

Двадцать минут спустя я остановился у дома Шеймуса. Дворники металась по стеклу с глухим «вжи-и-их», собирая потоки воды, будто небо решило оплакать все несбывшиеся мечты ирландцев о солнечной весне. Я не видел дальше бампера и не слышал ничего, кроме ритмичного стука дождя по машине. Эти звуки напоминали дуэт контрабаса и барабана. Им не хватало только лиричного меццо-сопрано: теплого и чуть хриповатого в среднем регистре.

Второй телефонный разговор с Шеймусом ничего не дал. Оливия у него так и не появилась. Ей-богу, не могло же ее действительно унести в океан? Предложение Мэгги вызвать береговую охрану больше не казалось таким безумным. Беспокойство усилилось, покрываясь налетом раздражения.

Я опустил лоб на сложенные на руле руки. По идее, мне следовало отнестись ко всему спокойнее. Какая разница, где она и с кем, пусть даже плавает с дельфином Фанги. Но оставаться равнодушным не получалось. Оливия жила в нашем пансионе, и я чувствовал за нее ответственность.

Телефон зазвонил, и я ответил быстрее, чем прочитал имя звонившего.

— Она у Бена в школе серфинга, — донесся сквозь шум дождя голос Мэгги.

Конечно. Почему бы и нет. Кто не мечтает оседлать волну во время мирового потопа?

Глава 9. Оливия

James Blunt — Tears and Rain

Мои кроссовки, носки и куртка лежали перед разожженным камином. Помимо тихого потрескания огня ноги на пуфике согревали шерстяные носки и тапочки, похожие на луноходы. Эбби снабдила меня не только ими, но и фэном, чтобы высушить волосы, а потом приготовила горячий шоколад, который я пила маленькими глоточками, уютно устроившись рядом с ней на диване в коричнево-зеленую клетку.

К счастью, Бен быстро понял, что поставить меня на доску окажется сложнее, чем научить зебру карабкаться по деревьям, поэтому пригласил к себе домой, на второй этаж школы, и развлекал байками, пока снаружи бушевал настоящий шторм.

Между Бэном и типичным серфером из Пинтереста лежали километры. Светлые волосы коротко подстрижены под машинку, плотные джинсы, серый свитер грубой вязки, коричневые ботинки на меху с отворотами — никаких фенечек, татуировок и развивающихся кудрей. Как у Итана. Может быть, это он был популярным серфером? Мне стоило поискать его имя в интернете, чтобы разобраться в причинах его поведения в день нашего знакомства.

— Восемьдесят два года! — воскликнул он, вскинув руки. — Представляешь? Эдит привез из Германии внук. Сын посчитал её желание занятия серфингом старческим маразмом.

— И у нее получилось? — спросила я.

— Легко! — хихикнула Эбби.

— Эдит — неиссякаемый источник энергии, — подтвердил Бен. — Как жаль, что её больше нет среди нас...

— Ох... — выдохнула я. — Мои соболезнования. Но, конечно, в таком возрасте...

Эбби и Бен замахали руками.

— Нет-нет! Эдит жила у Мэгги почти год, пока брала уроки. Это было пять лет назад. Потом она уехала покорять Эверест, а сейчас совершает кругосветное путешествие. Вот, смотри!

Бен достал телефон, пролистал ленту и протянул мне. На экране была фотография пожилой женщины, похожей на актрису, сыгравшую постаревшую Роуз из «Титаника». Белоснежные волосы упругими кудряшками обрамляли счастливое лицо с бесчисленными морщинами. Эдит была одета в черный гидрокостюм, как у космонавта, поверх которого желтым пятном светился спасательный жилет. Она сидела в лодке, на заднем плане в лучах солнца сверкали ледники с острыми шпильями, а перед ней из голубой воды поднималась спина кита.

— Невероятно... — прошептала я.

— Это между Южной Америкой и Антарктидой, — добавил Бен. — Листай влево.

На другой фотографии Эдит стояла на склоне горы рядом с походным рюкзаком себе по плечо и улыбалась в камеру. За её спиной виднелся тибетский монастырь.

— Не удивлюсь, если через пару лет она станет первой женщиной, ступившей на Марс, — поморщилась Эбби, потирая живот.

Это могло означать что угодно — от изжоги до сокращения мышц матки, что при плохом стечении обстоятельств могло привести к преждевременным родам. Я не успела моргнуть, а мозг уже сформировал целый список обследований, советов и рекомендаций. Может, доктор О'Доннелл прав, и ей следовало больше отдыхать?

И... меня это не касалось.

Внизу раздался звонок в дверь, и Эбби вскочила с дивана проворнее чемпионки по гимнастике, которой предстояло подняться на пьедестал под гимн страны.

— Я открою! — крикнула она и, пританцовывая, выбежала из комнаты. — Бен, расскажи про Пола!

— О, — рассмеялся Бен. — Оливия, представь себе морского котика на суше!

Я сделала ещё один глоток — не быстро растворимого «Несквика», в котором сахара больше, чем какао, а настоящего шоколада, растопленного вместе с молоком на медленном огне. Я поежилась от удовольствия. Тепло от огня, голос Бена и шоколад превратили мои кости и мышцы в ленивое, довольное желе.

Топот двух пар ног вверх по лестнице прервал рассказ Бена о парне из Лондона, который решил изменить законы генетики. В гостиной появились Эбби и незнакомая мне женщина средних лет с каштановыми волосами. По желтому дождевику стекали капли дождя. В руках она держала синие резиновые сапоги в золотых звездочках.

— Оливия, это Фиона, — представила её хозяйка дома. — Председатель книжного клуба.

— Очень приятно.

Я попыталась привстать, чтобы поприветствовать её, как полагается, но тело не слушалось. С каждой секундой я все больше напоминала медузу, расплывшуюся по дивану.

Эбби забрала у Фионы дождевик и указала на диван.

— Присаживайся. Чай будешь?

— С удовольствием.

Хозяйка скрылась на кухне. Я проводила её взглядом, а потом посмотрела на Бена.

— Может, мне помочь ей?

— Не в этой жизни. — Он покачал головой. — Она не позволит.

— Эбби посчитает это оскорблением, — добавила Фиона, присаживаясь рядом со мной.

— Знаешь, почему мы до сих пор не женаты? — усмехнулся Бен. — Она боится, что я начну ей указывать.

— Но ты ведь не собираешься? — уточнила я.

Бен и Фиона рассмеялись.

— Если кто-то в этом доме и командует, — сквозь смех пояснил Бен, — то точно не я.

При таком раскладе советы доктора О'Доннелла, даже самые разумные, на Эбби никогда не действуют. Вероятно, она из тех женщин, кто способен родить ребенка в обеденный перерыв и через час вернуться к работе, будто ничего не произошло.

Фиона протянула мне сапоги.

— Держи. Небольшой подарок в знак приветствия.

— Мне? — глупо переспросила я, но все же взяла их.

Они были легкими и очень красивыми, а внутри лежали стельки из овечьей шерсти. Кажется, они были на размер больше, чем я носила, но с толстыми носками, которые мне выдала Эбби, сядут идеально.

— Мэгги поставила на уши весь город. В такой ураган уйти гулять без подходящей одежды и обуви. — Фиона укоризненно покачала головой. — Очень безответственно с твоей стороны. А если бы что-то случилось?

— О-о-о, — только и смогла сказать я, непроизвольно краснея.

Обычно за меня переживал только Джейми. Для всех остальных членов семьи я была дочерью и сестрой, которая вместо брака по расчету и частной практикой в Эдинбурге выбрала опасную «Врачи без границ». Другими словами: человек без чести и разума. Перед отъездом в Африку отец поставил ультиматум: либо семья, либо работа. И хотя мой опыт оказался болезненным — именно таким, каким он себе его и представлял, — я бы снова сделала этот выбор, потому что он был правильным.

— К счастью, я председатель садоводов, книжного клуба, ирландских танцев и городской инициативы, — с гордостью заявила Фиона. — Пока Итан бегал по городу, чтобы найти тебя, мне хватило пары звонков.

— Итан искал меня? — удивилась я. — Его Мэгги заставила?

Второй вопрос потонул в очередном звонке в дверь. Бен поднялся из кресла и направился к лестнице.

— Дорогой? — позвала Эбби из кухни. — Откроешь?

— Уже иду!

Я задумалась, что заставило Эбби так отчаянно цепляться за свою независимость. В моем случае все было просто — желание быть рядом с людьми, у которых не было ни малейшего шанса на медицинскую помощь.

— Итан может и выглядит как девчонка со всеми этими цацками и длинными волосами, — хмыкнула Фиона, — но сердце у него на нужном месте. Репортеры часто представляют его в странном свете, но я-то знаю его с рождения. Замечательный парень.

— Репортеры? — переспросила я.

Фиона разговаривала со мной так, будто я состояла во всех клубах Лехинча вместе с ней и была в курсе происходящего, тогда как мои познания о жителях города были не больше, чем у проезжавшего мимо цирка.

Во второй раз топот был глухим и тяжелым, будто по лестнице поднимались два медведя. Я слышала отдельные слова Бена: «милая», «мокрая», «шотландская». Неужели этими прилагательными он описывал меня?

Когда на пороге гостиной за спиной Бена появился Итан, я не смогла сдержать нервный смешок. Его волосы и борода были мокрыми, брови сошлись в одну угрюмую линию. На болотного цвета куртке появились влажные, словно, камуфляжные, пятна. С ботинок в считанные секунды на деревянный пол натекли гигантские лужи. Нагнув голову, чтобы не стукнуться о дверной косяк, он шагнул внутрь и, посмотрев на меня, буркнул:

— Оливия.

Либо Итан очень любил Мэгги, либо у нее был на него компромат, потому что искать меня в шторм явно не входило в список его любимых дел. Он выглядел «недовольным», «промокшим», «ирландским». И чертовским большим для маленькой гостиной.

— Я приехал забрать Оливию домой, — проворчал он и провел ладонью по лицу, стряхивая капли.

Мне следовало возразить, когда он назвал свой паб моим «домом», но... почему-то не сделала этого. Замок Маккензи, где жили мои родители и Маркус с женой Пенелопой, никогда не был настоящим домом, — лишь семейной резиденцией, где меня растили гувернантки, а родители попрекали за любую оплошность. Джейми жил с невестой Мелани в крохотном городке, которого даже не найти на карте. Собственные апартаменты в Эдинбурге я сдала перед поездкой в Африку. Квартира, подаренная дядей Дугласом на двадцать шестой день рождения, все ещё стояла пустой.

Я вдруг поняла: у меня не было дома.

— Итан, оставь куртку у камина, — распорядилась Эбби, входя в гостиную с большим подносом, на котором громоздились чайник, чашки и блюдца. Итан рванулся помочь, но Бен выставил вперед руку, удерживая его на месте. — Сначала чай, потом все остальное. Вы знали, что он замедляет старение клеток? Во всем мире проводят исследования. Я читала, что многие генетики пытаются раздать загадку аксолотля. Вы видели этого малыша с розовыми рожками? Он отращивает новые конечности! Мы могли бы быть, как Росомаха! — Эбби поставила поднос на журнальный столик и окинула нас восторженным взглядом. — Разве это не потрясающе?

Каким обзором от чая она смогла перейти к описанию вымышленного мутанта со скелетом из адамантия? Если бы я была нейрохирургом, как Нейтан, то точно захотела бы исследовать её мозг.

— Чего вы у двери замерли? — грозно спросила Эбби Бена и Итана.

Бен тут же сел в кресло, а Итан бросил куртку к камину и подошёл ко мне. Поднял мои ноги с пуфика, сел и опустил их себе на колени. Любая мыслительная деятельность в моем мозгу прекратилась. Потому что... его большие горячие ладони остались лежать на моих ступнях. И это было абсолютно прекрасно. Не мог бы он держать мои ноги вот так вечно?

Третий звонок в дверь заставил всех одновременно обернуться.

— Еще гости? — спросила Эбби. — Бен, откроешь, пока я разливаю чай?

— Конечно.

Кружка с горячим шоколадом в моих руках была заменена на чашку с черным чаем и печенкой с цельным миндалем. Уверена, завсегдатаи в пабе «Трилистник» ходили туда не только за «Гиннессом» и стряпней Итана, но и за заботой, которой всех окружали Мэгги и Эбби.

Бен вернулся в гостиную с Шеймусом.

— Доктор О'Доннелл? — хором воскликнула Фиона и Эбби.

— Я принес малиновое варенье. Итан сказал, что Оливия простыла, — объяснил он, ставя на стол банку без этикетки. — Ни его, никого другого в гостиной почему-то не смущал тот факт, что мои ноги продолжали лежать на коленях Итана. — Ничего удивительного. Последний раз такой холодный март был аж в тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Я как сейчас помню. У меня уши отмерзли, а шапку я все равно не надел. Маме назло. Чтобы не выглядеть дураком перед Шэннон. — Он мечтательно улыбнулся Итану, а потом заметил Эбби с чайником. — А вы как раз чай собрались пить? Можно мне чашечку?

Он сел рядом со мной, отодвинув Фиону. Эбби устроилась на коленях у Бена. Я оглядела их всех — сапоги в звёздочках, банку варенья, чашки с чаем — и вспомнила слова Мэгги в первый день: «Мы за своих горой».

Глава 10. Итан

Mumford & Sons — I Will Wait

Оливия спала на соседнем сиденье в моей машине, откинув голову на подголовник.

Дорога от школы до паба занимала всего пять минут, но за это время она умудрилась заснуть так крепко, что не шелохнулась, даже когда я заглушил мотор, отстегнул ремень безопасности и повернулся к ней, подогнув под себя правую ногу.

Оливия обнимала банку варенья, как ценное сокровище. Я не думал, что к Бену и Эбби нагрянут Фиона и Шеймус, хотя, по правде говоря, это было ожидаемо. Стоило натереть мозоль на одном конце города, как тебе уже ищут пластырь на другом.

Я опустил взгляд на резиновые сапоги в звездочках, которые Оливия надела в обратную дорогу, и вспомнил, как её ступни лежали на моих коленях. В мои планы не входило прикасаться к ней, но в гостиной не было других мест кроме пуфика, а сбрасывать её ноги на пол было неправильно. Разомлевшая среди подушек от тепла и уюта, Оливия напоминала бездомного котенка, которого наконец приютили хорошие люди.

Она вздохнула, приоткрыв рот, еще глубже погружаясь в сон. Не хватало только храпа и слюней, стекающих из уголка губ. Совершенно неэротичная поза, но именно поэтому она мне так понравилась. Пайпер, с которой я встречался до переезда в Лехинч, всегда вставала раньше меня, чтобы накраситься и уложить волосы. Когда до меня дошло, почему даже по выходным под ухом играл будильник, я испытал два чувства: сожаление, потому что Пайпер ломала себя ради выдуманных стандартов красоты, и уныние, ведь считала меня поверхностным человеком, способным отвернуть женщину из-за отсутствия туши для ресниц.

Оливия нахмурилась и что-то пробормотала, мотнув головой. Светлый локон упал на её лицо. Я осторожно поправил его, невольно коснувшись кончиками пальцев её уха. Оно чуть топорщилось, придавая утонченным чертам лица ту самую неидеальность, которая делает человека по-настоящему красивым. Как голос, срывающийся на высокой ноте во время живых выступлений, а не вылизанная студийная запись.

Снаружи сгущались сумерки, а я все продолжал смотреть на Оливию, рискуя показаться извращенцем, подсматривающим за спящими людьми, но она выглядела так умиротворенно, что мне совсем не хотелось её беспокоить. Штормовой ветер улегся, и вместе с ним успокоился дождь, но мартовский холод начал пробираться в салон автомобиля, покрывая испариной внутреннюю сторону лобового стекла. Я снял свою куртку и накрыл ею ноги Оливии.

Что заставило её сбежать в Лехинч на целых три месяца? Мне казалось, что врачи работают без устали, если не совершили какое-то преступление. Может, Оливия была замешана в подмене младенцев? Домогательствах к медбратьям? Одеревеневшими от холода пальцами, я разблокировал телефон и ввел её имя в поисковике. На экране появился список статей. Некоторые из них были двух-трехлетней давности, парочка — более свежих. На последней она была изображена с высоким худощавым мужчиной в голубой рубашке и черных брюках на фоне пожелтевшей от песка палатки.

Стоп! Что я делаю?

Обычно фанаты искали любую информацию обо мне, а не наоборот. Черт меня подери, я не имел права лезть в её личную жизнь, даже если кто-то выставил её на всеобщее обозрение. Все, что захочет, Оливия расскажет мне сама — когда-нибудь, если предоставится возможность. Серийным киллером она все равно не выглядела. Самое большое — человеком, неправильно процитировавшим докторскую работу.

Оливия всхлипнула, вздрогнув всем телом.

— Оливия?

Вертикальная морщинка между бровями стала глубже. Сон, видимо, превращался в кошмар.

— Оливия? — повторил я чуть громче.

— Нейтан, не надо, — пробормотала она. — Останься.

Имя прозвучало неразборчиво, и сперва я решил, что она зовет меня, но в действительности она умоляла не уходить другого мужчину. Того самого с фотографии? Может, он был причиной её побега на край света? Бедная девочка. Сердечная боль была опасной. Как человек, живший эмоциями, заключенными в словах и аккордах, я знал, что любовь может толкать людей на безумные поступки.

Я положил ладонь ей на плечо, чтобы разбудить, но от неожиданности отдернул руку. Даже сквозь несколько слоев одежды я ощутил исходящий от нее жар, которого хватило бы, чтобы сварить кофе. Легкая простуда превратилась в лихорадку. Чтоб меня, пока я пиялился на нее, Оливия бредила от высокой температуры.

Я расстегнул её ремень безопасности, выбрался из салона на ледяной воздух, распахнул заднюю дверь в паб, которая вела в коридор с лестницей на второй этаж, вернулся к машине, открыл дверь со стороны Оливии, наклонился и осторожно взял её на руки. Она была удивительно легкой — и при этом половину её веса составляла банка с вареньем, которую она продолжала обнимать.

— Что ты делаешь? — пробормотала она, приоткрывая глаза.

— Т-с-с, — прошептал я, толкнув дверь машины бедром. — Все хорошо.

Она ещё раз вздохнула и положила голову мне на плечо. Её горячее дыхание опалило шею и щеку.

Я преодолел расстояние до спальни Оливии и обрадовался, что она не заперла дверь и в пабе было относительно тихо. Воскресные вечера горожане любили проводить дома в кругу семьи. Все ещё крепко прижимая Оливию к груди, я осторожно опустил её на кровать. Действуя почти что вслепую, я снял с нее резиновые сапоги и наши куртки. Варенье заняло почетное место на прикроватном столике, как трофей. Я накрыл Оливию пледом и собрался спуститься в паб, чтобы позвонить Шеймусу, когда её горячие пальцы обвили мое запястье.

— Ты не мог бы остаться? Только на эту ночь. Пожалуйста.

Проклятие. Оливия, наверное, думала, что я Нейтан. И хотя завтра я пожалею об этом, я скинул ботинки и лег рядом. Матрас прогнулся под моим весом. Каркас жалобно скрипнул, словно предупреждая: «Не вздумай делать глупостей». Хорошо, что в планах не было ничего предосудительного, иначе об этом узнал бы весь город.

Я откинулся на подушки и притянул к себе Оливию. Её голова легла на мою грудь, ладонь опустилась на живот. Физическая близость без подтекста показался неожиданно правильной.

Оливия задрожала от озноба. Я провел рукой по светлым волосам и убрал прядь с её лица.

— Спи спокойно. Я рядом. Я никуда не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Глава 11. Оливия

Leona Lewis — Run

Два месяца назад

Нас окружили со всех сторон. Воздух застыл. В тусклом свете единственного фонаря в руках Нейтана я видела, как он поочередно смотрит на три входа с разных концов палатки, словно танцует вальс: раз-два-три, раз-два-три.

Миротворцы, отвечавшие за нашу безопасность, куда-то пропали. Я молилась о том, чтобы их взяли в плен, не причиняя вреда. Я не знала наверняка, кем были вооруженные люди снаружи: повстанцами или обычными мародерами. Но они понимали, что полевой госпиталь был забит до отказа. Именно поэтому мы сюда и приехали: на десять тысяч местных приходился один врач.

Во время инструктажа перед началом миссии нам сразу дали понять: не врачи или пациенты — основная цель для нападения, а медикаменты, бензин и еда. Поэтому в случае опасности мы должны были оставаться на своих местах и не оказывать сопротивления.

Завади застонала, вцепившись в мое запястье. Её кожа была холодной и влажной. Мышцы живота напряглись. Очередная схватка набирала силу. Крик, готовый сорваться с её губ, был последним, что помогло бы нам всем пережить эту ночь.

— Тиши, Завади, тише...

Она стиснула зубы, но по её глазам я поняла — долго она не выдержит. Проклиная себя и весь несправедливый мир, я сложила бумажную тряпицу и поднесла к её губам.

— Пожалуйста, закуси и постарайся не кричать, — прошептала я. — Нам нельзя их лишний раз провоцировать. Дыши через нос. Четыре секунды на вдохе и восемь на выходе.

Темные глаза Завади наполнились слезами, но она впиалась зубами в ткань.

— Нам надо совсем чуть-чуть потерпеть, — выговорила я. — Они скоро уйдут. Обещаю. Мы — нейтральная организация. Они нам ничего не сделают.

Неожиданно Завади скрестила ноги. На её лице отразилось неподходящее случаю смущение.

— Кажется, я описалась, — неразборчиво пробормотала она в ткань.

Нет-нет-нет... Я хотела надеяться, что она права, но внутренний голос уже знал ответ. Я все же скользнула взглядом по простыни и увидела то, чего боялась: у Завали отошли воды. Это означало одно — у нас было максимум двадцать четыре часа, прежде чем риск заражения для матери и ребенка станет критическим. Время, еще секунду назад тянувшееся, как старая жвачка, стало нестись вперед, словно за одну секунду проходил час. Страх всколыхнул бурю адреналина. Я не могла сидеть сложа руки.

— Сейчас вернусь.

Завади испуганно замотала головой. Я погладила её по вспотевшему лбу и попыталась улыбнуться.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

Еще ни разу в жизни я не произносила столько лжи за такой короткий промежуток времени, но ей богу, если за это я попаду в ад, то так тому и быть.

Я поползла по пыльной земле к Нейтану, боясь, что если встану, моя тень на стене палатки покажется нападавшим реальной угрозой.

— Совсем рехнулась? — спросил Нейтан, когда я села на корточки рядом с ним.

— Если мы не придумаем, как помочь Завади в ближайшее время, то...

Я не смогла закончить предложение, но Нейтан и так все понял — мы потеряем обоих: и мать, и ребенка.

— Её надо отвезти в больницу.

— Забудь. Я не буду рисковать тобой, — отрезал Нейтан. — Снаружи творится черт знает что. — Он похлопал по брелку с красной кнопкой SOS на ремне. — Я подал сигнал через GPS-маяк. Очень скоро здесь будут миротворцы.

— Но мы же не знаем, получил ли кто-то сигнал!

— Нам нужно переждать пару часов.

— Нейтан, у нас нет сколько времени. Что мы можем им предложить, чтобы они ушли? Я не думаю, что они собираются нас убить. Им это невыгодно, вокруг поднимется слишком много шума.

С другого конца палатки донесся жалобный стон Завади. Я сглотнула панику и снова посмотрела на Нейтана.

— Я никогда не прощу себя, если буду бездействовать.

Нейтан выругался и поднялся с коленей.

— Ты куда? — всполошилась я.

— Поговорю с ними, — процедил он, направляясь к левому выходу.

О господи, только этого не хватало!

— Нейтан, не надо, — прошептала я громче, чем следовало. — Остайся!

Меня поочередно бросало то в жар, то в холод. Я подскочила с колен и рванула за ним, но около выхода он схватил меня за плечи и до боли сжал.

— Я здесь полевой координатор, — произнес он тихо, но твердо. — И я приказываю тебе вернуться к пациентке.

— Нет, Нейтан,пусти меня, — взмолилась я, игнорируя дрожь в коленях. — Ты нужен стольким людям. Мы не можем рисковать тобой. Давай я поговорю с ними!

Ноздри его прямого аристократичного носа гневно раздулись. Он резко повернул меня и слегка подтолкнул в спину.

— Мой приказ не обсуждается. Выполняй.

Глава 12. Оливия

Leona Lewis — Run

Я чувствовала себя гусеницей накануне превращения в бабочку. Только мои крылышки ещё не до конца окрепли, и я оттягивала момент, когда придется их расправить. Оставаться в целительном сне мешали настойчивые лучи солнца на моем лице. Я хотела закрыть его руками, но мне не позволял плотный кокон, который крепко держал меня, соединял тело, мысли и душу, чтобы, изменяясь, я оставалась цельной.

Мой потрясающий кокон состоял из подушек, одеяла и... Я распахнула глаза, когда поняла, что лежу на боку, а сзади меня обнимает крепкое — однозначно мужское — тело, с полной силой приветствующее новый день. Кто-то уткнулся носом в волосы и мерно дышал, упираясь в меня грудью. И не только грудью.

О мой бог.

Кровь прилила к лицу. Сделав медленный вдох, я осмотрелась: это была моя комната над пабом, что уже неплохо, но я совершенно не помнила, как здесь оказалась.

Я попыталась повернуться, чтобы посмотреть, с кем делю постель, но не смогла сдвинуться даже на сантиметр. Мои лодыжки оказались между двумя длинными ногами, а запястья — прижаты к животу крепкими пальцами. Голова покоилась на мускулистой руке.

О господи...

— Проснулась? — раздался над ухом горячий шепот.

Голос — низкий, бархатный и несомненно принадлежавший Итану — защекотал меня. Давление на руках и ногах тут же ослабло, будто он только и ждал момента, когда я очнусь. Но почему он держал меня так крепко? И как мы вообще оказались вместе в одной кровати?

Мое последнее воспоминание: я пью вторую чашку чая, Бен обнимает Эбби, Шеймус рассказывает о чудодейственных свойствах собачьей шерсти при радикулите, а Итан медленно массирует мои ступни у себя на коленях. Вчера мне казалось, что он делал это машинально, но, может, это был его способ соблазнить меня? И я, идиотка, поддаюсь?

Я никогда не была человеком, идущим на поводу у гормонов. Наравне со жгучим желанием стать врачом во мне жила романтическая надежда встретить того самого мужчину, с которым все будет раз и навсегда. Я бросалась в новые отношения, как в омут, и сразу представляла себе свадьбу, детей и даже внуков. Проблема заключалась в том, что с каждым разом я все больше разочаровывалась и все чаще выбирала почитать любовный роман или посмотреть романтическую мелодраму, чем рисковать своим сердцем.

Моя последняя попытка, до Нейтана, случилась год назад в Эдинбурге с детским хирургом по имени Гилберт. Казалось, уж он-то должен хотеть семью и детей, но, как выяснилось, «оружие и вечно ноющие мини-люди» интересовали его только в операционной.

Может быть, от столько долгого воздержания я набросилась на Итана из-за парочки невинных прикосновений?

— Я знаю, что ты не спишь, — Итан потерся носом о мой затылок. — О чем ты думаешь?

От того, как близко он находился, по коже побежали мурашки. Его голос звучал, как тающий во рту темный шоколад: его хотелось смаковать на языке, губах, небе. Мой пульс участился.

— Прекрати говорить со мной таким голосом, — выпалила я, резко отстраняясь.

В этот раз мне удалось сесть на кровати на расстоянии вытянутой руки. Я потянулась за одеялом, чтобы прикрыть наготу, но вдруг поняла, что на мне все еще были джинсы, носки и белая майка.

— Таким — это каким? — невинно уточнил Итан.

Я взглянула на него и окончательно растерялась. Он тоже был одет, как и вчера, в черный свитер с высоким воротником и синие джинсы. Разве что коричневые ботинки валялись на полу.

Но в этом не было никакого смысла! Мы просто спали в одной постели всю ночь? Я что, отказала ему?

Второй, более пристальный осмотр лежавшего рядом мужчины дал однозначный ответ — нет. Итан мог бы позировать Леонардо да Винчи для «Витрувианского человека»: все в нем было пропорционально, выверено, почти оскорбительно идеально, от расстояния между карих глаз до длины ног.

Значит, это он передумал? Я сильно исхудала, а мое дыхание сейчас могло действовать не хуже слезоточивого газа. Вчера перед сном я явно забыла почистить зубы. Я запустила пальцы в волосы и попыталась их причесать. Бесполезно. С правой стороны, на которой я спала, образовался колтун.

Похоже, Итан считает, что раз у него симметричные ямочки и ровный нос, то он может отказывать мне? Отлично. Я вскочила с кровати, чувствуя себя отвергнутой. Каков мерзавец!

— Понятия не имею, как называется твой тембр. — Я всплеснула руками. — Бархатный баритон? Велюровый бас? Таким голосом нужно петь баллады о любви, а не спрашивает, выпался ли кто-то! Знаешь, если бы ты таким голосом читал лекции по биологии, в лекториях не было бы свободных мест. Тебе кто-нибудь говорил об этом?

Итан приподнял брови, уставившись на меня, а потом поджал губы, будто мог расхохотаться.

— Ни разу. А ты пойдешь на второе высшее, если я буду рассказывать про деление клеток после удачного полового акта?

Очень смешно, конечно. Самовлюбленный придурок.

— Что ты вообще делаешь в моей комнате? — сменила я тему, продолжая кипеть от негодования.

— У тебя поднялась температура, — спокойно ответил он, садясь и потягиваясь. Майка и свитер приподнялись, обнажая полоску кожи на животе. С левой стороны мелькнула ещё одна татуировка: то ли лохматый греmlin, то ли обычная собака. — Я не хотел оставлять тебя одну.

Он свесил длинные ноги на пол и кивнул в сторону прикроватного столика, где стоял полупустой стакан с водой, а так же лежал градусник, измеряющий температуру в ухе, и упаковка таблеток.

— О-о-о, — выдохнула я, мгновенно растеряв весь боевой запал.

Это объясняло, почему у меня не сохранилось воспоминаний о прошедшей ночи. Такие резкие скачки температуры для меня не редкость. Особенно часто они случались во времена работы в «скорой помощи», когда со всех сторон атаковали инфекции, а мой организм пытался избавиться от них в кратчайшие сроки. «Когда болеет врач, где-то умирает пациент», — под этим девизом я жила слишком долго, не позволяя себе расслабиться.

Вместо того, чтобы продолжать гневно размахивать руками, я обхватила ими живот.

— Я волновался за тебя, — продолжил Итан. — Но Шеймус сказал, что парацетамола достаточно. Я измерял температуру каждые полчаса. Выше тридцати девяти и пяти она не поднималась, но до четырех утра не опускалась ниже тридцати восьми даже после таблеток, а потом почему-то сама упала до тридцати семи. Я рано утром ещё раз созвонился с Шеймусом. Он сказал, что так и должно быть.

Он потер шею и слегка повернул голову, разминая затекшие мышцы. Между темными бровями залегла вертикальная морщинка. Получается, он не спал всю ночь, присматривая за мной?

— Это нормальная реакция организма из-за естественных циркадных ритмов, — ответила я по инерции, потому что большая часть нейронов была занята осмыслением информации о поведении Итана. — Тебя Мэгги заставила?

Итан вскинул на меня насмешливый взгляд, надевая ботинки.

— Неужели я похож на человека, которого можно заставить?

Третий пристальный взгляд. Ответ был опять однозначен — нет.

Итан покачал головой, встал и открыл дверь в коридор, но на пороге повернулся и уже без намека на иронию спросил:

— Как давно тебя мучают кошмары?

Мое сердце подскочило к горлу. Я опять кричала во сне?

Врач в Швейцарии, который лечил меня после огнестрельного ранения, прописал снотворное, но, конечно, вчера я не смогла его принять.

— Что я... — начала я, но осеклась.

Причина, по которой Итан так крепко держал меня во сне, вдруг стала очевидной. Я в панике металась по кровати, как и каждую ночь с нападения на лагерь. Вместе с осознанием накатил стыд. Он повел себя как джентельмен, пока я мысленно обвиняла его во всех грехах.

— Ты... Извини... — прошептала я.

Он мотнул головой, скользнув по мне взглядом, в котором не было ни упрёка, ни жалости, только беспокойство.

— Если тебе что-то потребуется, я, Мэгги и Шеймус, все мы рядом.

В горле возник колючий комок.

Итан вышел в коридор и тихо закрыл за собой дверь. По спине пробежали мурашки. Я потеряла плечи и задела пальцами шрам. Черт. Он видел его. Он знал, что со мной что-то произошло, и создал безопасное пространство, в котором я могла сама решить, когда обратиться за помощью.

Глава 13. Итан

Jack Johnson — Only The Ocean

— Я провела четыре месяца в Центральноафриканской Республике с миссией «Врачи без границ», — сказала Оливия, когда приняла душ, переоделась в джинсы и розовую толстовку и спустилась в паб позавтракать, хотя через полчаса я собирался подавать посетителям тыквенный суп-пюре на обед.

— «Врачи без границ»? — переспросил я, опершись о барную стойку.

Хорошее решение держаться за дерево. Холод под ладонями помогал не думать о том, как под ними ощущались мягкие изгибы Оливии и её нежная кожа. Или о том, какие у нее были шелковистые волосы, пахнущие лавандой.

С переезда в Лехинч я не заводил отношения. Развлекаться сразу после смерти Криса было неправильным, а потом люди тут вновь стали семьей, а с родственниками, понятное дело, не заигрывают. Так я прожил год без секса. И, честно говоря, до прошлой ночи это меня не особо волновало. Теперь же все тело только и думало о том, чтобы снова прижаться сзади к Оливии и, желательно, без одежды.

В голове, словно сами собой, как припев песни, зазвучали слова:

Я все помню, как будто касаюсь.»«Твоя тень спит в моих ладонях, Я в огне твоём растворяюсь. Холодное дерево, теплая кожа —

Уф! Я до боли сжал пальцами столешницу. Барная стойка между нами — гениальное архитектурное изобретение. Особенно, если нужно сдерживать внезапно проснувшийся голод.

— Это когда самоотверженные врачи едут спасать людей в самое пекло? — уточнил я, пытаясь убраться на задворки сознания пугающее открытие: я снова мог складывать слова в тексты.

— Примерно так, — криво улыбнулась Оливия. — Это было очень непростое время. Раньше я не понимала, почему только гинекологи могут завершать программу через три месяца. Теперь понимаю.

Она усталилась на овсянку с карамелизированными яблочными дольками, продолжая тыкать её ложкой. Мне захотелось взять Оливию за руку, но я сдержался. Среди бела дня прикосновения ощущались совсем иначе, они имели другое значение и последствия.

— Ты не обязана ничего рассказывать, если не готова.

— Мне хочется, чтобы ты понял. Это самое малое, что я могу сделать в знак благодарности за вчерашнюю ночь... за то, что ты не оставил меня одну.

— Я сделал то, что сделал бы любой другой человек.

— Уверен?

— Нет, но если скажу обратное, ты решишь, что я самовлюбленный индюк.

Она иронично изогнула брови, и я тут же поправил себя:

— Убедишься в том, что я индюк.

— В своих мыслях я использовала другое слово. Например, «придурок», но «индюк» звучит милее.

Я фыркнул.

Разговор иссяк, как пересохший ручеек, и я не знал, стоит ли насильно подливать в него воду. Чутье подсказывало мне, что от этого ручей скорее выйдет из берегов и снесет на своем пути хрупкое равновесие между нами.

— Знаешь, что такое посттравматическое стрессовое расстройство? — неожиданно спросила Оливия, когда я уже решил, что разговор окончен.

— Видел в фильме про солдата, вернувшегося из Афганистана. «Братья» с Тоби Магуайром и Натали Портман. Смотрела?

Я ответил быстрее, чем успел сообразить, зачем она это спросила. Через добрых пять секунд я мысленно дал себе по лбу. Детальки пазла — её кошмары, изможденность, шрам, опасная миссия в горячей точке — собрались в одну общую картинку: Оливия знала, что такое ПТСР не понаслышке. Ну, какой же я индюк, честное слово.

Интересно, какую роль в этом пазле играл Нейтан? Был ли он врачом? Или одним из пациентов, которого Оливия не успела спасти? Или мужчиной, который не принял её решение уехать?

Не мое дело, но вопросы жгли язык, как лимонная кислота. Оливия звала в кошмарах Нейтана целых девять раз. Я считал.

— Не думала про терапию? — осторожно спросил я.

Её губ коснулась мягкая улыбка.

— Уже завершила. Два месяца в швейцарской клинике сразу после возвращения. И именно поэтому я сейчас здесь. Я врач, хоть и не психотерапевт, и понимаю, что со мной происходит. У меня есть нужные медикаменты и терапевт, к которому можно снова обратиться в любой момент. И замечательный брат. Джейми всегда готов примчаться, если что. Но сейчас, — она сделала паузу и положила ладонь на барную стойку, — и здесь мне не нужно, чтобы копались в моих мозгах или пытались меня починить как можно скорее.

— Тебе просто нужен покой и время, — подхватил я её мысль. — И пинта «Гиннесса».

— Или чашка горячего шоколада. — Её улыбка стала чуточку шире. — Кажется, ты действительно меня понимаешь.

Я абсолютно точно знал, что она имела в виду, ведь и я вернулся в Лехинч по этой причине.

— Сейчас сварю.

— Настоящий, как у Эбби? Не быстрорастворимый?

— Еще спрашиваешь? — возмутился я, уже направляясь к кухне. — Только никуда не убегай.

— Даже не собиралась. Кстати, ты не видел мой рюкзак?

Рюкзак, который она повсюду таскала с собой. Если он не был одной из деталек пазла под названием «ПТСР», то я проглочу свой фартук в сине-белую вертикальную полоску.

— В багажнике. Вместе с твоими кроссовками.

Оливия застыла. Вид у нее был такой, будто в рюкзаке лежит нечто важное, например, её эмоциональная поддержка, чтобы сдерживать приступы паники.

Я быстро достал ключи от своей машины из кармана джинсов и положил перед ней на барную стойку.

— Хочешь, принесу? Или можешь сама забрать. Машина на парковке за пабом.

Взгляд Оливии был прикован к ключам. Совершенно очевидно, что внутри нее шла какая-то борьба. Я ждал решение, непроизвольно затаив дыхание.

— Это не горит, — наконец сказала она. — Сначала шоколад.

Я выдохнул с облегчением.

Когда я вернулся из кухни с чашкой, Оливия читала что-то на телефоне.

— Как правильно назывался тот коктейль, про который ты говорил вчера? Я не могу найти. «Синяя лагуна»? «Пьяный океан»?

Чашка с блюдцем чуть не выскользнула из рук. Только не это. Только не сейчас. Если она узнает обо мне правду, то безопасная зона, в которой я обычный повар, а она врач, испарится. Мне придется говорить про Криса, рассказывать про турне и планы, которых нет.

— А, вспомнила! «Ocean Blue»! — довольно воскликнула она.

Я поставил чашку на барную стойку, представляя, как Оливия откинёт потрясающие светлые волосы назад и томно захлопает длинными ресницами, как делали все девушки, когда узнавали во мне того самого Итана.

— О-о-о... — выдохнула Оливия, глядя в телефон. — «Ocean Blue», рок-группа, образованная в 2012 году в Лехинче, Ирландия. Стала популярна с песней «Навсегда — твой». Три награды «Грэмми» за лучшую запись года. Солист — Итан Роуэн».

Оливия подняла на меня изумленный взгляд. Я обреченно вздохнул, прощаясь с неприужденностью и мысленно отсчитывая секунды до того, как все изменится. Я стану в её глазах фронтменом. Может, Оливия даже захочет взять автограф? Где я его оставлю — на её аппетитной заднице?

Три... два... один...

И вдруг Оливия разразилась смехом — звонким, живым, по-настоящему заразительным, будто он рвался со дна сердца. Плечи сотрясались, щеки покраснелись.

— Ты чего? — опешил я.

— Ты... тот самый?... — сквозь залиvistый смех выговорил она. — Итан... океан?

— Ты смеешься?

— Конечно! А что мне еще делать? Кричать: «О боже, дай мне автограф!»? — Оливия откинула голову назад и рассмеялась еще сильнее, прижимая ладонь к животу. Из уголков глаз потекли слезы. — Итан, ты что, правда подумал, что я твоя фанатка?

— Ну... да... В начале...

— О господи... — Она едва не упала со стула от хохота. — О Итан... Какой же ты индюк!

Её реакция была абсолютно противоположной той, которую я ожидал. И, черт побери, это так прекрасно, будто завершил финальный концерт турне и наконец можешь расслабиться.

Мэгги выглянула из кухни.

— У вас все в порядке? — Она перевела взгляд с меня на Оливию. — Кажется, местный воздух способствует выздоровлению.

Оливия стерла слезы с щек и сделала глубокий вдох.

— Мэгги, представляете, Итан думал, что я приехала, чтобы затащить его в постель.

Мэгги лукаво улыбнулась.

— Ничего не хочу сказать, но вчера у тебя получилось.

Глава 14. Оливия

The Kilkennys — The Galway Girl

Мои дни проходили потрясающе монотонно и восхитительно предсказуемо.

Все начиналось с завтрака. Итан подавал его в пабе неизменно с горячим шоколадом и очередной безумной историей из своих гастролой.

— «Bagel Head» в Японии — это нечто сумасшедшее. Под кожу на лбу вводят физраствор, и через час там появляется круглая выпуклость. Если надавить пальцем в центр, то получается пончик.

Мы заключили соглашение, торжественно пожав руки, что не будем гуглить друг друга. Я не хотела, чтобы всплывали статьи о военном нападении или верфях и заводах моей неприлично богатой семьи. Итан признался, что в интернете про него писали многое, но большая часть информации была ложной: слова перевертали, из интервью вырезали высказывания, которые вне контекста теряли смысл, а одно дружеское объятие превращалось в любовную связь.

Только то, что мы рассказывали друг другу, имело значение.

— И ты правда позволил сделать себе пончик на лбу? — ужаснулась я.

— Вся группа сделала! — невозмутимо пожал плечами Итан.

— Индюк! — рассмеялась я.

Стряпня Итана откладывалась на моих боках невероятно быстро: джинсы больше не норовили сползти с бедер, чашечки лифчика наконец-то перестали обнимать воздух. Я с удовольствием подмечала в зеркале, как впалые щеки округляются и приобретают здоровый румянец.

— Твоя вода и сэндвичи, — напоминал Итан, наполняя мою походную бутылку свежей водой и упаковывая с собой бутерброды — каждый день с новой начинкой.

После завтрака я забрасывала заметно полегчавший рюкзак за плечи и отправлялась изучать окрестности: шумный Голуэй, заполненный студентами; национальный парк Буррен, где среди каменных плит соседствуют арктические и средиземноморские растения; крошечный Эннистимон — «остров среднего дома», как звучало его имя на ирландском.

К обеду я всегда возвращалась в паб, где меня уже дожидался Шеймус. Он делился ирландскими «медицинскими» рецептами. Так я узнала, что от кашля помогает настой тимьяна с перцем. Я так же узнала, что его жена Шэннон умерла четыре года назад, и паб был для него не только местом приема пациентов, но и убежищем от одиночества.

В начале второй недели мне пришла посылка от Джейми и Мелани — квадратный квадратный сверток в красной крафтовой бумаге с бантиками, ленточками, блестками и воздушным шариком.

— Тебе что, пять лет? — поддел Итан за барной стойкой, глядя, как я разворачиваю самую броскую упаковку в стиле «вырви глаз».

Она напоминала ту, в которую Мелани упаковала букинистическое издание «Хроник Нарнии», подаренное Джейми на мой последний день рождения. Это было в августе прошлого года, а как будто целую вечность назад.

— Двадцать шесть, занудный ты старикашка.

Я показала Итану язык.

— Старикашка? — усмехнулся он. — Я всего на два года тебя старше.

— Вот именно. Считай, уже завтра рассыпешься.

Внутри оказалась сиреневая книга с розовым обрезом, на котором были нарисованы летающие странички. На обложке прямо под названием «Два языка любви» выпуклыми синими буквами стояло имя — Мелани Уайт.

— Твой брат дарит любовные романы, чтобы реальные мужчины даже не имели шанса завоевать тебя? — хмыкнул Итан.

— Эту книгу написала его невеста.

Я восхищалась Мелани и тем, как она шаг за шагом шла к своей мечте, несмотря на давление общественности.

— Она популярная писательница?

— Хочешь, возьму для тебя автограф?

Итан фыркнул, закинув на плечо полотенце, которым натирал бокал с золотой гравировкой «Гиннесс».

— Ты будешь припоминать мне это до конца жизни?

— А ты ещё сомневаешься?

После обеда я совершала длинные прогулки, рискуя быть снесенной ветром в океан. На пляже я встречала Бена, который обучал кайтсерфингу двух-трех мальчишек, приехавших в Лехинч после школы. Я не понимала, куда смотрели их родители. С таким гигантским парусом без труда улететь в Америку. Что случилось со старым добрым футболом?

— Ну как, ты сама не надумала? — спрашивал Бен изо дня в день, кивая на доску для серфинга.

— Может быть, завтра?

Мне было холодно даже просто от одного вида его мокрого гидрокостюма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.